

АЛЕКСАНДР МИНЧЕНКОВ

ТАЙНЫ УГРЮМЫХ СОПОК

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Александр Минченков

Тайны угрюмых сопок

«ВЕЧЕ»

2020

Минченков А. М.

Тайны угрюмых сопок / А. М. Минченков — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8536-7

Гольцы и распадки, горные ключи, реки и бескрайние леса Сибири – всё это молчаливые свидетели жизни людей, отправлявшихся в середине XIX века на поиски золота. Что же уготовила им судьба? Они теряли не только вожаемый металл, попадавший им в руки, но и порой лишались жизнью. Сколько человеческих душ охватила «золотая лихорадка», сколько трудностей пришлось преодолеть им – тайна, сокрытая угрюмыми сопками дремучей тайги.

ISBN 978-5-4484-8536-7

© Минченков А. М., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	44
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Михайлович Минченков

Тайны угрюмых сопок

© Минченков А.М., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

Отпраздновав Рождество Христово 1846 года, в один из январских дней сидели два человека в доме Трубникова. Вечеровали, пили чай и речь вели о разном. Говорили о делах торговых, политике, государственности, перемалывали слухи, что из-за границы доходили, а тут в Иркутске, обраставшие всевозможными выдумками и небылицами. Эти люди не простые и знавшие друг друга с давних пор. Один – первой гильдии купец Кондрат Петрович Трубников, второй – действительный статский советник Кузьма Гаврилович Рачковский.

Знакомство этих двух людей произошло через сибирского генерал-губернатора Самойлова – царского реформатора и законотворца, ушедшего в мир иной в конце тридцатых годов. Рачковский служил ранее в канцелярии названного генерал-губернатора, добросовестно и с верностью до конца его жизни. Многому научился в производстве документов и познал основу дел государственных.

Рачковский с обыденных новостей разговор перевёл на тему, которая его давно волновала. Ну как давно, два-три года, как узнал о находках золота на далёкой речке Олёкме, впадающей в реку Лену, что-то прочитанное в печатных изданиях, что-то со слов заезжих людей. Далека Олёкма с её многочисленными притоками, но уж больно привлекательной оказалась – нашли золото! Металл-то драгоценный, всегда дорогой и стоящий, валюта на все времена!

– А вот скажите-ка мне, любезный Кондрат Петрович, известны ли вам какие подробности о золотой находке на севере нашей Иркутской губернии?

– Как тут ответить? – Трубников глянул на собеседника. – Газеты писали, и из уст купца Горемыкина мне кое-что ведомо, он непосредственно участвовал в горных отводах, людей нанимал, разведкой и добычей золота занимался. Много рассказывал, но что из того, коль через два или три года всё там затихло – сказывал он, вроде как золота мало было обнаружено, работы почти и свернули.

– Доподлинно ль известно, где ж конкретно он промышлял? – с открытым чувством внимания задал вопрос Рачковский.

– Отчего ж неизвестно, известно-с. Вот в той самой Олёкме, но не самой речке, а в её притоках. Больше тех, что в верховье в неё стекаются.

– Каким же образом оно ему открылось? Людей знающих посылал или сам прознал о тамошних местах?

Трубников из самовара подлил в свою кружку кипятку, неспешно щипчиками отколол кусочек сахара и положил его в чашку. Кивком головы пригласил и собеседника сделать то же самое. Рачковский не заставил себя ждать – дополнил свою чашку чаем, отхлебнул и вопросительно глянул на Трубникова.

– Да нет, уважаемый Кузьма Гаврилович, случай ему представился. – Рачковский вскинул брови и, наслаждаясь чаем, сидел в ожидании пояснений, а Трубников продолжал: – На сей момент не могу припомнить фамилию купца, названного мне Горемыкиным, но являлся тот ему своим человеком. Так, он повстречал единожды на ярмарке одного тунгуса. Тунгус присматривал себе товар, вертелся вокруг да около. А потом и обратился к торговцу, мол, хочет иметь понравившуюся вещицу, а денег нет, а есть камешек больно благолепный и завлекательный, тяжеловат и с блёстками. «А ну, покажи, каково чудо носишь», – заинтересовался купец. А тот и достал из-за пазухи озвученный камушек. Купец оказался человеком сведущим, знающим и сразу признал в этом камушке золотой самородок. Понял он, что тунгусу и неведома ценность вещицы. Не мешкая, отпустил ему товар и вопросом озадачил: «Скажи мне, мил человек, откуда у тебя этот камушек, у кого взял или нашёл где?» Тунгус человек простой, бесхитростный, рад свершившейся сделке и в предвкушении, что есть с чем вернуться до стойбища, не стал таиться и всё рассказал как есть. Что он из дальних мест, кочует с соро-

дичами и табунами оленей по сибирским речкам, промышляют пушниной, рыбой. А камушек нашёл на одном из таёжных ключей. «А ты запомнил эту речушку, можешь показать место, где поднял находку?» Тунгус заверил, мол, отчего ж, конечно, помнит и показать может.

– И показал, значит? – хмыкнул Рачковский.

– Показал. Горемыкин в то время, не откладывая, снарядил людей и отправился с ними и тунгусом до мест его обитания. Рассказывал, добирались с приключениями, то ж тайга местами непроходимая, болота, горы, сопками и гольцами оные называют. Места дикие, малоезженные, малолюдные, на многие вёрсты редкую душу встретить можно. В основном люд занимается промыслом копытного и пушного зверя, заготовкой лесных ягод и орехов. – Трубников поставил на стол допитую кружку, пальцами обеих рук поворачивал её медленно по часовой стрелке и, глядя на узоры скатерти, вроде как вспоминал о том, что поведал когда-то ему Горемыкин.

– И как же дело-то пошло? – Нетерпение охватывало Рачковского.

– Открыл он несколько участков, застолбил и зарегистрировал их на своё имя в Олёкминском полицейском управлении. Но как я до вас, уважаемый Кузьма Гаврилович, уже довёл, в течение трёх лет намыли со всех пород около трёх пудов, по пуду в год.

– Что так? Бедными месторождения оказались?

– Видимо, так. Золото есть, но мелкое и с малыми запасами в породе.

– А что далее-то, Кондрат Петрович? Почто оставил сие дело Горемыкин?

– Пуд в год! А затраты-то немалые в таком предприятии и при такой отдалённости требуются. А работы он полностью не свернул. Один или два прииска до сих пор в работе, правда, функционируют на уровне низкой доходности.

– Да уж окупить средства при одном пуде никак невозможно, одни убытки, ни выгоды и проку мало.

Рачковский отхлебнул глоток чая из кружки и глянул на собеседника, прищурился и промолвил:

– А ведь до меня дошли новости, на Олёкме и поныне несколько приисков, и не только Горемыкина, имеются.

– Есть таковые, вроде как боле десятка насчитать можно-с, однако все они в одинаковом положении – без особой выгоды.

– Кондрат Петрович, а вам известно, чьи это прииски?

– Отчего ж, нескольких хозяев назвать могу. Лично с ними незнаком-с, но о них слышан. Некий генерал-майор Бражников, отставной поручик Машунский, почётные граждане Завьялов и Денежников и мой коллега почтенный 1-й гильдии купец Гаврил Лагутин. С последним знакомы уж лет несколько, общались неоднократно, в том числе и по делам добычи золота. Много мне он рассказывал о тамошних разработках. И интересные обстоятельства излагал, и печальные, а порой и жуткие. С Горемыкиным они дружны, сами понимаете, что их объединяет. Но опять-таки не настолько тесно, иначе сказать не очень достоверно, полагаю, по причине преобладания меж ними личных интересов в делах промысловых.

– М-да, – промолвил Рачковский и, вновь глянув на Трубникова, наконец озвучил свои сокровенные мысли: – Дорогой мой Кондрат Петрович, а ведь к вам сегодня я с намерениями явился весьма и весьма серьёзными.

– Что ж за соображения вы в себе носите? Судя по вопросам о делах золотопромышленных, уж не решили ли поисками и промывкой золотых песков заняться?

– Решил. Не дают мне покоя вести с тамошних золотоносных открытий. Задумался, ведь не только ключи, что впадающие в Олёкму скрывают в себе клады в породах. Ну, никак так не может быть, никак. Интуиция подсказывает: край тот богат, и в других речных руслах золотоносные залежи имеются. Со знающими горное дело специалистами беседовал, единодушны и они в таком мнении.

– Признаться, вы меня удивили своим заключением, страсть как удивили. Сам иной раз раздумывал над этим, крепко думал, но в такой затее нужны надёжные единомышленники, а таковых пока не усматриваю. На то ж нужны свободные средства, начинать с малыми деньгами промысел заведомо неуместно, обречён на провал. Это что в потёмках иголку искать, тут только случайность спасти может. А в том, что и иные речки в сибирских просторах могут быть золотоносными, с этим с вами согласен.

– Милейший Кондрат Петрович, такой единомышленник перед вами. Сдаётся мне, объединив наши финансы, мы вполне можем осилить этакое большое предприятие. Наслышан, узнав о золотых речках, обнаруженных на северных землях нашей губернии, туда устремились многие практичные люди, а поговаривают, и пройдохи, жаждущие наживы. Как бы не опоздать нам с осуществлением намерений. Заметьте, добрых и стоящих намерений.

Трубников слушал собеседника и размышлял о том же. Ни с кем до этого дня он не делился своими планами о желании приобщиться к поиску и промыслу золота. Его подгоняла душа, будто предчувствовала удачу. А из столь непринуждённого разговора с Рачковским, перешедшего в русло о драгоценном металле, он ещё более укрепился в своих сокровенных и манящих рассуждениях. «Рачковский как раз тот человек – деятельный, зажиточный. Слов на ветер не бросает, знакомы с ним не первый год, надёжная во всех отношениях личность, уважаем в деловых кругах, имеет определённое влияние. Таков не бросит дело на половине пути. К тому же, судя по его осведомлённости о золотых проявлениях, обнаруженных в северной тайге, и его одержимости, он кандидатура подходящая. По сути, в таком щепетильном деле, думается, его участие и наша совместная тяга даже как нельзя кстати», – размышлял Кондрат Петрович.

Трубников встал со стула, сцепив пальцы рук за спиной, прошёлся по залу, подошёл к окну, с минуту-две глядел на уличный пейзаж, продолжая напряжённо думать, прикидывать, что да как. Дело не шуточное, щепетильное и затратное, можно погореть, спалив кучу денег, но и в случае удачи получить огромные барыши. И словно приняв какое-то определённое решение, он резко повернулся и возвратился к столу, присел и, глядя в глаза Рачковскому, уверенным голосом произнёс:

– Не буду лукавить, но мне ваша идея чертовски нравится, – на последнем слове он легонько ударил кулаком по столу. – Да, нравится, и скрывать не буду, я искренне рад вашему, Кузьма Гаврилович, предложению, оно своевременно и актуально. Поиски золота там ведутся интенсивные, и приобщиться к золотым промыслам – это бизнес стоящий, хотя и рискованный.

– Ну, риск в любом большом деле велик, а здесь он, по крайней мере, имеет перспективу – золото-то в речках находят, и это факт неоспоримый, действительный.

– Неоспоримый, это и вселяет уверенность. Что ж, исходя из наших рассуждений, можно не откладывая обсудить всё в деталях. Непременно-с и в ближайшие сроки. Как вы изволите на это посмотреть?

– В любое время к вашим услугам и готов обговорить до мелочей столь интересный замысел.

Испив ещё по кружке чая, оба собеседника, удовлетворённые беседой, расстались, раскланявшись и пожав друг другу руки, договорились вновь встретиться до начала февраля...

Глава 2

Севастьян брёл вдоль русла речки Чары. Вода бежала, недавно освободившись ото льда, омывая песчано-галечные берега, перекатывалась через камни, полноводно и весело журчала, звенела взявшей полную силу весной, но уже казавшейся летом. Да что говорить – заканчивался последний месяц весны – май, и он выдался солнечным и ласковым. К удивлению, с первым теплом проснулась и лесная летучая мелкая тварь, такое впервые, чтоб так рано просыпались эти таёжные кровососы. Что случилось в этом году с ними, трудно было объяснить. Возможно, сказалась прошедшая на удивление для Сибири не особо холодная зима, а ранняя весна и жаркое солнце настолько разогрели мари и болота, что гнус воспрянул духом и принялся размножаться. Комары и мошка донимали Севастьяна, непрестанно лезли в глаза, и он то и дело отмахивался руками.

– Да что ж вы так рано раззуделись, вас тут целая туча, так и норовите очи залепить. Как же вы вопреки природе до июня пробудились, что ж вас сон не берёт, окаянные, – возмущался Севастьян, сломал молодую, только что распутившую листочки берёзовую ветку и принялся отмахиваться от наседавшей на лицо и шею летучей твари. – Мать вашу, мелкота, а кусаетесь, словно псы озлобленные, – ворчал он, одновременно старался осторожно ступать по мшистой болотистой поверхности и местами заросшей долины, а где путь лежал и через сопки в направлении устья речки Жуи, наконец-то появившегося впереди – здесь она сливалась в Олёкму. Оленя вёл на коротком поводке, ружьё нёс на ремне через плечо, так требовала осторожность – всяк хищный зверь мог оказаться на пути. А какой опасный зверь? Да, конечно же, рысь, а того гляди и медведь – местный хозяин урмана. Сохатого или изюбря чего бояться, те сами от любого треска сухой ветки или непонятного звука шарахаются.

Дошёл до устья Жуи, поднялся на взгорок и далее направился по склону заросшей долины, обильной местами стлаником с появившимися на ветках малозаметными зародышами шишки, а это будущие плоды ореха, куда меньшего по размеру, нежели кедрового, но всё же по вкусу ядер не уступающему своему могучему собрату.

Кедрач есть, но его больше в соседнем урочище и за перевалами, легче сказать, где его нет. Высокий красавец, с мощными стволами и крупными лапами. По осени его верхушки всегда привлекают заготовителей из таёжных поселений. Вооружённые деревянной колотушкой, они бьют по стволу, и спелые плоды, срываясь с веток, летят вниз, и тут только береги голову, чтоб какая из шишек не прилетела на темя или по ушам. Но есть среди люда и проворные. Те, не используя увесистой балдушки, ловко взбираются на деревья до их макушек, а уже там срывают или, тряся ветки, отбивают палкой зрелую шишку.

Всяк народ, и стар и млад, круглый год довольствуется лесным орехом, насыщаясь столь питательным продуктом. Хоть верхом на лошади, а порой сидя в запряжённой телеге, али пешим ходом, либо у печи зимним вечером, раскусывая скорлупу ореха промеж зубов и думы думай всяческие. Кто наберёт шишек, так многие шелушат их на самодельной ручной машинке, крутят жернов, отчего шишка шелушится и в лоток сыпается. А тут орех отделят чрез сито, отдуют от мусора и в мешки, а там на еду, а больше на продажу, иной раз и на обмен чего-либо.

Севастьян каждый сезон кедровый орех и бруснику заготавливал, зимой же добывал пушнину. Соболь, белка, горностай, порой и лиса попадалась. Меха всегда в цене были, да вот только досада иной раз брала – купцы и скупщики разные, всё обмануть норовят, то седина остевого волоса не таковая, то кряж, цвет или размер не этакий, а то и дефекты выискивают, то ещё что. Больше недостатки надуманные, чтоб категорию товара снизить и заплатить охотнику меньше, а ведь поймать пушного зверя ловушек и петель не один десяток по путикам расставить нужно, да обход их регулярный нужен. Путики эти по снегу и в морозы каждый день

ногами мерять приходится, а это с десяток, а то и более вёрст средь лесных зарослей. Как бы то ни было, сдача пушнины способствовала житью в достатке, иметь лишнюю копейку, да и позволяла скопить на дальнейшее существование.

В последние же годы интерес шибко расширился – объявилась новость чудно-захватывающая – в Олёкминском округе золото нашли. Купцы и золотопромышленники и люд разный словно всполошились, какой год подряд каждый норовит испытать судьбу – найти золото и обогатиться. А как же иначе, коли оно в ключах и не глубоко залегает. Копай и промывай породу, а что намыл, так сдавай в казну российскую, а это ж деньги на обуздание бытия бедного. Но и тут, как с той пушниной – обвес и обман рядом процветают, а то и запросто так забрать могут, мол, без позволения хозяина на застолблённом участке оказался и породу мыл, в подлежащем регистрации отводе промышлял или ещё пред каким фактом выставят. Тоже обида берёт, а от таковой обиды иные и, прячась от глаз чужих, шастают по долинам, моют пески, а ежели удача улыбнулась, так втихаря и сбывают золото либо в лавке торговой за товар, либо средь заезжих чужих людей за деньги.

С деревянными лотками и малыми бутарами бродят люди по ключам разным, пробы берут, промывают пески в надежде обнаружить жёлтый металл. А он не везде хоронится, не всюду открывается искателям.

Многие сами по себе копаются, вопреки указам Государевым, часть как доверенные лица от купцов или от зажиточных граждан, кому право дано разведывать и добывать драгоценный металл. Каждый по-своему и с личным сокровенным умыслом и разными последствиями.

Ныне Севастьян решил забрести в тайгу дальше обычного, весьма отдалённо, разведать иные урочища. Несколько дней потратил он на переходы к руслу речки Хомолхо. Пешком в столь дальний путь не пошёл, отправился на олене. Где долины и гольцы мерил ногами, где ехал верхом. Добрался до устья речки Хомолхо, впадающей в Жую, и двинул отматывать следующие вёрсты по хомолхинскому малохоженому простору. Ну, как малохоженому, нет, не совсем так. Проживали где-то выше среднего течения обособленно кочевые тунгусы Жуюганского рода. Вели промысел пушнины, сбывали её на ярмарке или заезжим купцам продавали, дикого зверя забивали редко, своего мяса хватало – содержали олени табуны, к тому же рыба в достатке в речках водится. Знал Севастьян о поселении тунгусов, но в их владения не помышлял вступать, просторы большие и познать было что, окромя этого. Объявиться у них хотел лишь так, скоротечно, расспросить что-либо, они народ вездесущий, по ключам и долинам промышляют, всё видят, примечают. Может, кто металл жёлтый находил, присмотреться, побалакать, глядишь, откроются, расскажут.

Да и уверенность подгоняла – знаком ему был из тех мест тунгус Хоньикан – молодой, сильный и с доброй открытой душой человек. Свела их судьба в одном из урочищ. Оный тунгус с сородичем решили искать другие места, богатые подножным кормом, зверем и пушниной, так сказать, на перспективу. Хотя этого добра хватало и в долине Хомолхо, но время требовало подыскивать и иные уголья – род ширился, росла потребность в просторах для житейской деятельности.

Продвигался Севастьян, и думы разные роились в голове: «Вот ведь люди как за камнем золотым кинулись, так и норовят друг дружку опередить, а иной раз и злоба наружу выходит, до драки порой доходило, при пушнине такого не бывало, а тут как с цепей сорвались. Да, деньги большие за находки платят, а кто намывает, так те жируют, и ещё боле желание одолевает, но сколь хожу, ни разу такое счастье не улыбнулось. А нашёл бы, так то же, знать, не выбросил бы, обменял на что-либо аль червонцами взял. Найду, так перекинусь с пушного промысла, да вникну в поиски столь драгоценных кладов... Оно ведь как, золотой промысел дело сезонное – с весны до осени, а у пушнины – зима, так что одно другому не помеха, а достаток двойной, как не тройной...»

«Только бы был на месте Хоньикан, удивится, коль объявлюсь в его стойбище, всё проще со знакомым тунгусом речи говорить», – проплыла мысль у Севастьяна.

Севастьян обязан Хоньикану. Тот оказался со своим сородичем в одном из урочищ на речке Жуе в то время, когда Севастьяну грозила неминуемая гибель, могущая обернуться ужасной смертью. Карабкался по скале, ружьё держал в руке, за спиной мешок с котелком, кружкой и снедью, оступился. Дабы не сорваться, руки пришлось непроизвольно освободить, и выпустил оружие, а оно тут же скатилось к подножию уступа. Удержался, стал твёрдо на ноги и вниз глянул – где ж ружьё зацепилось и каким образом вернуться до него? Но смотрит, стоит бурое лохматое чудище – зрелый по возрасту медведь. Смотрит зверь снизу вверх, вроде как соображает, как лучше достать двуногое существо, и оскалился. В сознании медведя, видать, всплыло: подобную особь он встречал в прошлом году, из его железной палки пыхнул дым и раздался страшный звук, от которого охватил его страх и пронзила острая боль в правой лопатке. Раненый медведь скрылся в зарослях, а злобу затаил: представится случай – порву!

И встречи он такой дождался. Вот он, заклятый обидчик, беспомощный и зажат среди груды камней, словно в ловушке, бежать некуда, да и пожелал бы скрыться, так настигнуть пара пустяков. Хотя и не Севастьян был тогда виной нападения, но медведь видел в нём силуэт и запах существа, доставившего ему столь многих неприятностей – ранение кровоточило, а пуля не давала покоя долгое время.

Медведь принялся карабкаться вверх, это делал он с лёгкостью. Севастьян же в растерянности разглядывал приближавшуюся угрозу. Отход преграждала скальная стена, если попробовать преодолеть её, неизбежно ждала неудача – сорваться и сразу оказаться пред лапами оскалившегося зверя или разбиться. Севастьян решил задержать медведя, поднял камень и бросил в него, попал в лапу. От боли медведь взревел и с удвоенной силой ринулся к цели. Севастьян поднял другой камень, чтобы вступить в рукопашную схватку. Но что этот камень для черепа столь сильного зверя. Разве что ещё более озлобишь. Севастьян с горечью осознавал, кто здесь выйдет победителем. В руках даже не было ножа, он из-за беспечности хозяина не был в ножнах на поясном ремне, а лежал на дне вещевого мешка. А времени снять с плеч мешок, развязать узел и достать холодное оружие не оставалось. Медведь же со сноровкой обезьяны уже был пред ним. Глаза горят, не моргают, пасть открыта, и несётся из неё громовой грозный рык. Севастьян хоть и готов был вступить в бой, но к страшной смерти уже был готов и в мыслях расставался с жизнью.

Но что это? Неожиданно прогремел выстрел, медведь замер, издал предсмертный гор-
танный хрип и кувырком скатился к подножию скалы.

Повезло Севастьяну – по стечению обстоятельств Хоньикан и его соплеменник продвигались мимо скалы, и до них донеслись возня и шум. Насторожились, свернули с пути и увидели картину, в которой человек пред медведем выглядел затравленным и беспомощным. Такое случается в таёжной жизни, но крайне редко, чтоб вот так внезапно в глуши и при обрушившейся безысходности человек мог обрести неожиданную и своевременную выручку. Сколь людей загублено разъяренными и голодными зверьми, случайно оказавшимися на их пути, сколь затонуло людей в болотах, затянувших их в своё гнилое вонючее чрево, не дождавшись помощи. Об этом знают лишь сопки, но они никогда и никому не расскажут о жутких смертях, происходивших в долинах бескрайней тайги. Это тайна, скрываемаемая землями и речками, занесёнными снежным покровом зимой, а летом демонстрирующими неописуемые краски и виды растительности, покрывающей гольцы, долины и мари.

Севастьян благодарил своих спасителей, называл их своими братьями, клялся молиться за них Богу в послании им удачи и здоровья. Хоньикан же улыбался и хлопал Севастьяна по плечу, приговаривая: «Плохо один человек на тропе, плохо без ружья, тайга непредсказуемый, глаз остро держать надо...»

С того дня Севастьян строго наказал себе: оружие крепко в руках держать следует, нож всегда на поясе должен быть! Оно ведь как, почти каждый раз, как в тайгу уходил, будь то зимой по лыжне или летом по тропе, одному приходилось путь держать, а один оно и есть один, сам себе хозяин и сам себе защитник. А урок столь поучительный постоянно ему в затылок дышал, следом по пятам наступал, а посему теперь осторожничал и в бдительности пребывал постоянной. Это стало для него нормой, выстраданным правилом.

Глава 3

Отмахал Севастьян трудных более трёх сотен вёрст без каких-либо приключений. По дороге раз ловил рыбу, однажды попалась кабарга, в последние сутки пути ранним утром на еду подстрелил глухаря. Жарил его на огне, а поевши и восстановив в себе силы, двинул далее. Наконец к обеденному солнцу этого дня он был уже у стойбища.

Но что это? До ушей доносились ружейные выстрелы, звуки бубнов и смех людей.

«Что ж это может быть?» – насторожился Севастьян.

Но как только вошёл в пристанище эвенков, всё стало понятно – в стойбище справляли свадьбу.

Все тунгусы были одеты в яркие наряды. Поодаль стоял на привязи олень, он был украшен красивой попоной, уздечка же в цветных лентах и узорах из бисера. На таком олене обычно привозили невесту из другого рода. Хоровод ходил вокруг костра, двое тунгусов били в бубен, трое с разными интервалами по времени палили из ружей в воздух. Смех и веселье сотрясали округу.

Севастьяна заметили, залаяли собаки, но празднество не смолкло, а лишь тунгусы-мужчины чуть напряглись при виде незваного гостя и отогнали псов. Двое из них подошли к Севастьяну, узнать: кто, откуда, как оказался здесь? Обратил внимание на гостя и ещё один тунгус – Хоньикан. Он был весёлым, выглядел среди мужчин нарядней всех. Он бросился к Севастьяну и сразу попал к нему в объятия.

– Хоньикан, уж не ты ли жених?! – воскликнул Севастьян.

– Я, я, Хоньикан, с восхода солнца свадьба играет, хорошо играет, невеста хороший, родня хороший, проходи, уважаемый человек будешь! – и, не давая что-либо сказать знакомцу, продолжал: – Откуда знаешь, что Хоньикан женится? Как узнал, как пришёл? Хорошо пришёл, удача, значит, тебе и мне будет. Ты посмотри мою жену Мэнрэк, молодая, красивый, чум свой поставил, калым десять оленей отдал, больше не просили, своя табун есть, от приданое отказался, не надо, девушка сама хороший, шибко хороший.

Севастьяна пригласили в хоровод, и он вынужденно закружился в общем веселье. Хоньикана же отозвали к себе старшие, видимо, это были его родители и невесты, они поочерёдно что-то ему говорили, и догадаться было не трудно – благословляли, наставляли, желали добра, продолжения рода и крепкого семейства, приумножения богатства.

Хоровод перешёл в пляски, чего не умел делать Севастьян, он отошёл в сторону и с интересом наблюдал за праздным действием. Когда же мужчины решили устроить состязания в верховой езде на оленях, Севастьяна пригласили принять участие, и он не отказался.

Около двух десятков парней, в их числе и жених, взобрались на домашних копытных, сел на своего оленя и Севастьян. Староста рода подал знак, и все сорвались с места, словно подхваченные ветром, они помчались по долине. Гость старался, торопил животное, но куда там, тунгусы со свойственной им сноровкой оставили его позади, но и радовался – к финишу пришёл не последним. Первым вернулся в стойбище Хоньикан, все ликовали, но больше всех радовалась его молодая жена – значит, её муж самый удачливый, быстрый! Смех Мэнрэк заглушал всех женщин, она ликовала, хлопая в ладоши, а глаза горели, и в них светился огонь и счастье.

Несколько тунгусов постарше возрастом устроили соревнования на меткость в стрельбе из оружия, каждый норовил показать своё непревзойдённое мастерство, и у большинства это получалось.

Еда была разнообразная и много, пили и ели, плясали, пели песни, непрестанно говорили разговоры, снова ели и пили, голосили песнями, и так до самого почти утра. «Да, свадьба, что у нас русских, с размахом...» – удивлялся Севастьян.

Как только солнце выглянуло и бросило свои первые лучи на вершушки сопки, все угомонились, разбрелись по чумам, и над стойбищем воцарилась тишина. Спал крепко и Севастьян в чуме родителей Хоньикана. С дороги и сразу «с корабля на бал» аукнулось для него утомительным состоянием, и он сразу предался сну, как только голова приложилась к подушке.

Где-то к полудню Севастьян проснулся, вернее, разбудил его Хоньикан. В стойбище многие ещё спали.

– Брат, солнце над головой, кушай, давай, скажи, зачем тропу топтал длинный?

Умывшись водой из ключа, что впадает в Хомолхо, Севастьян подсел к столу с едой. Ели лепёшки и жареное мясо оленины, приготовленное на костре. Сидели вдвоём с Хоньиканом, рядом никого не было, так захотел новоиспечённый молодожён. Он догадывался, что не напрасно гость отмахал столь вёрст до их стойбища, что-то тревожит или есть какая-то потребность, поэтому и решил уединиться с ним, побалакать с глазу на глаз. Не торопил говорить, ждал – сам скажет. Насытившись едой, Севастьян принялся за чай и промолвил:

– Хоньикан, ты много исходил здешних ключей, да и речку Хомолхо истоптал своими ногами. Находил ли ты где камни золотые?

Хоньикан глянул на Севастьяна, прищурился:

– Зачем охотнику блестящий камень? Наш стойбище ушло с ключей Олёкмы, где люди, как собака, ищут и роют такой камень, каждый золото называет. Его больше, чем самих себя, любят, моя видел, как люди меж собой зубы скалят, злобу показывают, нехороший камень, плохой камень.

– Это есть, сказать не так – значит соврать. Но решил я, Хоньикан, поиском золота заняться. Сам знаешь, зима длинная, так все дни в промыслах проводишь на зверя и пушнину, а летом больше безделье донимает. А коль камень золотой в наших краях объявился и ему цена есть хорошая, так почему отказываться надо? Неправильно это, зачем проходить мимо денег, коль они сами в руки поплывут.

– Э-э-э, – протянул Хоньикан, – зачем так говоришь, почему так сказал, охотник всегда охотник, а камень, староста рода говорит, плохо может дать, погубит он человека, погубит.

– Это как сам к этому делу относиться станешь, с кем задуманное скрепишь. Если с завистником, то удачи не будет и сам сгинуть можешь, а если с добрым и совестливым – оно и ладно получится.

Хоньикан слушал, мотал головой, думал. О чём он думал, Севастьяну ведомо не было, но предполагал: «Никак не примет он моего желания, а знать и не откроется, если что и знает, если что и находил, то ж против рода его получается. Свои же укорять примутся, мол, открылся человеку не из нашего рода, а тот и народ приведёт, для стойбища плохо – зверя пугать будут, завидными глазами пушнину оглядывать, да и соседство с чужими людьми – это не жизнь, коли сами по себе, веками к своей обособленной жизни приучены...»

– Староста говорил, после зима откочевать думал, на речка Жуя, пастбища хороший, ключи хороший, рыба и зверя много, очень много, я сам ходил там, сам глазом видел.

– А что так? Здесь вроде пастбищ хватает и зверя много, рыба в реке хвостом брызги кидает, глушь кругом бескрайняя, десятую стойбищами не охватишь, – удивился Севастьян.

– Хорошо, очень хорошо. Останутся староста и, – Хоньикан показал руку с растопыренными пятью пальцами, – вот столько семей. Остальные на Жуя, чум ставить, охота вести, оленя разводить. Там земля наш, родовой.

– Хоньикан, так ты на мой вопрос так ничего и не ответил или не желаешь отвечать? Обижаться не буду, не в моём характере, да и жизнью обязан тебе, чтобы думать о тебе плохо. Здесь воля твоя, распадки твои и я понимаю, если приду не один, и найдём золото, непременно прознают и другие. И тут свалка неминуема – каждому захочется своё счастье пытаться. А люд

всякий по тайге шастает в поисках добра этакого, и не остановит их ни Бог, ни власти, кои далеки от мест сибирских.

Хоньикан молчал, отпивал малыми глотками чай, думал.

Севастьян решил не терзать своими расспросами друга. Допив свой чай, дал знать, что пора ему собираться в дорогу, решил сам пройти по руслу Хомолхо и по её ключам, впереди лето, времени достаточно, чтобы познать тайны распадков, с голоду не умрёт – тайга всюду пищу даст, птица всякая летает и зверь разный бродит. Он привстал, поправил на поясе ремень с ножнами, но тут тунгус рукой потянул Севастьяна присесть.

– Хоньикан говорить хочет, правду скажу. Находили тунгусы камень, который ты ищешь, сам находил. Однахо бросал в реку, все бросали – от человек плохой. Ты другой человек, брат стал мене.

Севастьян предался вниманию, уважительно смотрел на тунгуса и слушал, не перебивал, а Хоньикан продолжал:

– Левая берег Хомолхо ходил, правый берег ходил, скалы близко, там больше находил, везде речка богатый, шибко богатый, камешки маленький, однахо как закат солнце светит. Один не ходи, всяк человек худой положить может, медведь лучше худой человек. Ищи хороший брата, добрый брата, как я брата.

Севастьян ещё испил чаю с другом. Тунгус дал в дорогу вяленого мяса и рыбы и решил проводить от стойбища до поворота речки. По дороге свернули на русло и продвигались правым берегом, рукой показывал на места, где река драгоценные дары хранит.

Приблизившись к одному из плёсов, Хоньикан соскочил с оленя и носком ичига правой ноги начал ковырять прибрежный песок, шевелить палкой, затем присел и принялся руками разгребать грунт, пропуская его сквозь пальцы, опускал то и дело в воду, смывая его с ладоней. Так он делал несколько раз, а Севастьян наблюдал.

Прошло минут несколько, и Хоньикан что-то подхватил, перекинул с ладони на ладонь и выпрямился. Протянув руку, он молча показал находку. То был небольшой самородок золота, размером с олений глаз.

Севастьян взял жёлтый камень. Маленький, но тяжеловатый, отливал матовым золотистым цветом.

«Правду поведал Хоньикан – есть золото в речке, есть! И не только поведал, но и показал. Вещь-то в руке держу, не во сне, а наяву, так что его толкованию имеется подтверждение... Ай да Хоньикан, ай да брат...» – размышлял Севастьян.

– Благодарствую, брат, за находку, ты просто кудесник. Нет, ты посмотри: держу золото. В жизни не держал, только в чужих руках со стороны созерцал, и то мимоходом. А тут вот оно, бесценное, настоящее! – говорил Севастьян, а Хоньикан глядел не на самородок, а на гостя и грустно улыбался.

Оба вскочили на оленей и, ни минуты не задерживаясь, продолжили путь к повороту речки.

Неожиданно Севастьян заметил дерево, на котором что-то закреплено, и по нему и вокруг вороньё чрезмерно и шумно возится – часть с остервенением клюют, часть с карканьем кружат рядом. Провожатый же не смотрел в ту сторону, вроде как и не замечал странности.

– Смотри, Хоньикан, что это, что за невидаль?

Тунгус остался безучастным к любопытству друга, но пояснил:

– Семь ночей назад маленький тунгус умер, хоронили на дерево, вот его душу и растаскает кусками птица.

– Да как же так, почему не предали земле? – ошеломлённо глядел Севастьян.

– Тунгус шибко маленький, сам к небу не поднимется, сил не хватит, птица верхом летает, дух и поднимет.

Севастьяна такое объяснение крайне удивило, и он, поёжившись, подумал: «Вот это обычай у тунгусов... Ну и дела... Это ж надо...»

– А как же взрослых умерших хороните?

– Больших тунгусов земля принимает, они сильные, сами к небу поднимутся.

Пришло время прощаться, и Севастьян обнял друга.

– Спасибо тебе, Хоньикан, где б ни был, всегда о тебе помнить буду. Пусть хранит тебя Господь от неудач и глаза дурного. Чтоб жил долго сам и жена твоя и дети, чтоб умирали своей смертью, а не преждевременной.

– Иди доброй тропой, сопок много, речек много, однахо встретимся, однахо нет, знает только Дух тайги.

Обнялись, пожали руки и расстались. Хоньикан направил своего оленя в сторону стойбища, Севастьян вниз по течению Хомолхо. Нужно было спешить в Олёкминск, к приходу первых каюков следовало сбыть выгодно всю добытую за зиму пушнину, приобрести боеприпасы дешевле – помимо лавки, закупить по мелочи кое-какого товара.

Обратную дорогу Севастьян выбрал другую. Решил идти напрямик к реке Лене через перевалы, речки и ключи до малого поселения людей с названием Мача. Это около двухсот пятидесяти вёрст, а там добираться берегом Лены до Олёкминска. Всё одно путь нелёгкий, но вроде как короче. Наслышан был: село Мача молодое – как год-два появилось там несколько семей. Кто они, откуда, Севастьян не знал, да и в Олёкминске мало о них слышали и не интересовались. Разве что в полицейском участке на них бумаги были какие. Скорее люди охотничьим промыслом решили заняться, вот и обживатьсь начали.

Проехав на олене несколько десятков вёрст, а где и пройдя ногами, достиг речки Большой Чепикет, потом Бугарихты. Отсюда прошёл вверх по её течению, преодолел два перевала, что давали начало речке Малый Патом, и ехал вниз по её течению, перебрёл Валюхту, достиг устья речки Кан, а тут уж и рукой подать до левого берега Лены, где-то ниже устья Малого Патома и должна быть Мача.

Добрался. С облегчением он смотрел на большую реку. Лена предстала пред ним во всём своём величии – широкая, полная до берегов, красивая, завораживающая. Впереди показалось шесть изб и несколько хозяйственных построек, чуть поодаль три стога сена, в примитивном загоне блеяли пара коз, послышался одинокий лай собаки, сразу принявшейся облаивать путника. На лай с одного из дворов вышел хозяин, русской внешности, с бородой, средних лет возраста.

– Доброго вам дня, – слез с оленя Севастьян и поклонился незнакомцу.

– И тебе того же, – ответил мужик, а сам пристально всматривался в лицо Севастьяна. – Заезжай, коли с добром пожаловал.

– С добром, с добром, по худым делам не мастер, – ответил Севастьян и спросил: – Как по имени, по батюшке?

– Тихон, Тихоном нарекли сызмальства родители, с тех пор в Тихонах и хожу, отца звали Никифор. А тебя как называть прикажешь?

– Севастьян. С Олёкминска я, тайгу меряю уж какой день подряд.

– Ай да замахнулся ты, парень, что ж её мерить. Вряд ли кому посильно ширь такую необъятную вымерить. Заходи в избу, с дороги уставши, и откушать чего хочется.

– Благодарствую, не откажусь и поесть, и чаю испить, коли угостишь.

– Слава Богу, голод стороной обходит. Натерпелся коего на земле родной, так и сбежали тремя семьями с одного узда, а за нами ещё трое прибыли. С пустых земель оторвались, а тут простор дремучий, но богатый, руки только и смекалку прилагай.

Севастьян сидел за столом и ел с аппетитом жареное мясо изюбра, нахваливал хозяйку за вкусный и сытный обед, та косила на гостя глаза, но не злобно, а с удивлением и настороженно,

всё ж в избе чужой человек, с каким намерением явился, что ж ему здесь надобно? Но и видела в нём благодушного, простого молодого человека, и это её успокаивало.

– Если на ночлег пустите, ранним утром трону по Лене до Олёкминска, спешить надо, а путь длинный – купцы с низовья приплывут, а какие и с верховья спустятся, так пушнину сбыть следует. Охотник я, с малолетства за зверем хожу.

– К оному ремеслу тоже пристрастие имею и мои соседи, за сим и прибыли, чтоб пушнину добывать. Пушнина ведь как, богатеям покою не даёт, в меха желают наряжаться. Так и пушай тешатся и скуп ведут, а нам впрок – и сыты, и одеты, и обуты будем. Вот и ноне дожидаемся – лодки со дня на день с купцами до нас дойти должны, объявятся, так есть что продать – почин удачный оказался.

Тут Севастьяну пришла идея, как сократить время в дороге.

– Ты мне, Тихон, лучше вот что скажи: глянул я, на берегу стоят две лодки-долблёнки. Эта твоя работа?

– Наша с соседом Митяем, а чья ж. Чего, чего, а такую штуку делать научены, а избы рубим – только щепки летят. Лучшими мастеровыми в наших краях значились, а сами без хат остались, как сапожники без сапог – жизни местные помещики не давали, всё под себя норовят грести, чтоб имя икалось и аукнулось. Без лодок никак – два острова напротив, улова рыбные, сети ставить сам Господь Бог велел.

– А ты мог бы лодку поменять на оленя?

– Что ж так?

– По реке я доберусь быстрее и без усталости, всё самосплавом река донесёт.

– Обмен-то не шибко выгодный, да ладно, чего там. Олень у тебя добрый, а в пару ему и самка у нас имеется, так что для восполнения потомства сгодится. В хозяйстве животного ох как нужна, отчего ж не согласиться, в таком разе и Митяй супротив не будет. А лодку выдолбить для нас пара пустяков, справим в надобность. По рукам, коли так потребно тебе.

– По рукам! – радостно ответил Севастьян и крепко сжал протянутую Тихоном жилистую руку.

Рано утром Севастьян распрощался с Тихоном и его односельчанами и отплыл на лодке вниз по Лене, работал одним веслом, направляя своё судёнышко в нужном направлении. Здесь над водной гладью мошка не донимала. Вода плескалась за бортом, лучи солнца играли и переливались в её брызгах, свежесть, словно жидкость, плыла над рекой, а впереди предстоял путь длиной чуть более полутора десятков часов...

Глава 4

Севастьян, сидя в лодке, созерцал берега и проплывающие сопки, плыл и размышлял: «Как неожиданно всё образовалось. Не верится, но факт-то налицо – золото при мне, и поднял его с реки Хоньикан, вот оно у меня, – Севастьян запустил руку в карман и нащупал самородок, – вот оно – частица клада земного. Частица, но какая! Вернусь в Олёкминск, пред людьми открываться не престало, кого зависть обуяет, начнутся расспросы, пересуды, а то и криво-толки, дойдёт до исправника, а тому что, только повод дай – допытываться станет, докажи, что не украл, а скажи не украл, так найдутся указать неправду – у них похитил. Нет, здесь надобно разумно поступить, скрыть до времени, а опосля по закону уладить, коль дело пойдёт. Перво-наперво объявлю, мол, желание имею и хочу землю застолбить на поиски и промывку породы, не открываясь и не показывая преждевременно дорогую находку... А людей подобрать можно, есть такие, среди таких же, как я, охотников и сговорю. Двоих, троих не боле, а там видно будет. Вон Димка Сохин, Пашка Сушков чем не люди, без дурных мыслей в голове, ровные по натуре. Сейчас, поди, уже из тайги вышли, сети чинят, на рыбную ловлю наметки прикидывают, а тут заверну им такое, глаза ко лбу выкатят. Одним словом, есть с кем дело ворошить... Одно беспокойство – только бы исправник добро на поиск и регистрацию земель дал... Хотя моя безграмотность в законах писанных и подвести ж может. Откуда мне знать порядки царские, коли о них нигде не читал, а он власть местная всяко повернуть вздумает. Может, его соболями задобрить?.. Наслышан: ведь берёт исподтишка окаянный мзду, берёт, и совесть не гложет...»

Возвратившись в Олёкминск, Севастьян вытащил лодку на берег и привязал, после чего направился в посёлок. Прежде чем ступить на порог своей избы, первым делом заглянул в лавку купить спиртное, коим торговал местный торговец наряду с иным товаром. Денег с собой не было, отпустили под твёрдое слово. Порой за любую покупку расплачивались шкурками белки или горностая, больше ценился соболь, и это было выгодно любому скупщику. Пушнины у Севастьяна было в достатке, и у него не болела голова, что может оказаться должником пред кем-либо. Но к чему почти задаром давать пушнину, коли при дешевизне алкоголя лучше расплатиться несколькими десятками копеек. Вот и сейчас, получив две косушки водки, заверил продавца: завтра до полудня расплатится деньгами. Взял водку не для пьянства, а выпить с устатку после длинной утомительной дороги, да и угостить товарища, коли какой в гости зайвится.

В лавке всегда стояла большая пузатая бочка спирта, доставляемого хозяину то из Якутска, то с верховьев Лены. Говорили, что сей товар на Русь шёл из-за границы, а кто молвил – из дальних губерний и развозился поставщиками-торговцами по волостям и уездам, уж больно выгодно было с ним заниматься – хорошую прибыль приносило. Зимней санной или летней гужевой дорогой по тракту до Усть-Кута. А летом уже большой водой по реке Лене на беспалубных, крытых многовёсельных каюках, достигавших до семи сажений по длине и пять, а то и шесть аршин по ширине, или больших парусно-вёсельных лодках спирт, как и иной груз, доставлялся до Олёкмы. Купец-лавочник Феофан Руснак приобретал спирт под скупленную у местных охотников и у заезжих тунгусов пушнину, а в лавке разводил его до крепости водки и продавал на разлив, кто-то брал чистый. Кому шкалик, кому чарку, бутылку, штоф, а иные покупали и четвертями – у кого какой расчёт имелся. Порох, картечь и пули, ружья также имелись в лавке, по ним шёл обмен только пушниной, причём купец придирчиво осматривал выделку, старался не прогадать в выгоде. Интерес у предприимчивых людей возрос к Олёкминскому краю, тому причина была не только высокого качества пушнина, но и золото, найденное и добываемое в таёжных ключах, и маломерные суда гораздо чаще, чем десять-пятнадцать лет назад, начали появляться здесь – завозили товары для сбыта, наряду с пушниной имели желание заполучить и жёлтый металл.

Открыв дверь своей избы, Севастьян у порога снял с плеча ружьё, мешок, всё положил на пол. Глянул на угол с образами, перекрестился, переоделся и растопил печь. Не для того, чтоб согреть помещение, а чтоб изба живой дух и уют приняла.

Сидел и смотрел на огонь, думал о завершившемся пройденном тяжком пути, о долине Хомолхо, о Хоньикане, а вспомнив его свадьбу, улыбнулся. Достал из кармана самородок, от огня он заблестел по-особому – заиграл жёлтым металлическим оттенком, отчего на душе Севастьяна стало легко, а тело покинула усталость.

Налюбовавшись золотом, решил спрятать его в погребке, устроенном под полом избы, закрывающемся массивной крышкой в уровень половиц. Здесь он хранил приобретаемые по осени у местных крестьян картофель, огородные и лесные соленья. Используя укромную нишу, он и схоронил свою ценность, предварительно завернув её в суконную тряпицу...

В контору исправника Севастьян пошёл через день, два дня и ночь обдумывал, как и с чего начать разговор. Задумка особая, для него новая и несвойственная его обычному ремеслу.

– Зачем пожаловал, Перваков? – первыми словами встретил Ряженцев, как Севастьян перешагнул порог.

– Вопрос, уважаемый Святослав Романович, имеется, ноги и принесли меня к вам.

– Что ж за вопрос? С челобитной какой, али на тебя напраслину навёл кто?

Помощник с секретарём, глянув на молодого человека и не проявив к нему интереса, продолжали листать бумаги и что-то писать.

– Нет, слава Богу, ни то и не другое. Задумка имеется, Святослав Романович.

– Чего там надумал? Выкладывай, коли пришёл. – Ряженцев пальцами правой руки поправил усы и пристально всмотрелся в посетителя.

Смутившись, но тут же оправившись, Севастьян начал:

– Золото в ключах люди ищут, по всей Олёкме и далее ходят. Приезжие и те туда же...

– А тебе что до этого? Каково до них? – перебил Ряженцев и вскинул свои чёрные брови, отчего у Севастьяна душа заколебалась.

– Так приобщиться желание имею, ежели разрешение дадите.

– Хм, и на кой тебе этакое беспокойство? Ты ж зверолов, пушшиной промышляешь, аль денег не хватает?

– А кто ж откажется от запаса на жизнь, всяк охочий до этого, медведь и тот жир на зиму копит.

– Да знаешь ли ты, каковы обстоятельства с промыслом золота? Я вот скажу: и не ведаешь. То ж не силки, чтобы в них пушнина попадала, а тут люд тысячами квадратных сажений и толпами землю перекидывают, а проку шиш – кто пустой бродит, кто золото по крупцам собирает, а хозяева счёт ведут строгий.

– Счастье хочу попытать не на приисках, а самолично, уж больно привлекательное занятие. Кто знает, может, Господь и покажет, где дорогой металл хоронится, может, откроются мне закрома земные.

Ряженцев нахмурился, сидел и размышлял, а как созрело у него мнение, высказался:

– Против ничего не имею, но ведь невозможно оформить на тебя разведку и поиск драгоценного металла, никак невозможно.

– Отчего ж невозможно? – Перваков опешил.

– По статусу не положено, по статусу, мил человек.

– ?.. – Севастьян озадачился и примолк.

– По указу Государеву этаким занятием наделены люди, владеющие своими территориями, аль при аренде на казённых землях иных лиц. Если покажешь мне выписку о владении тобою казённых земель, где собрался заняться поисками золота, и предъявишь бумаги, подтверждающие оплату государственных податей, или межевание какое оформишь, враз твоё

дело решим. А так изволь... – Ряженцев вновь прогладил рукой усы и хмыкнул: – Того требует свод уставов казённого управления, нарушить никак нельзя, на то мы и приставлены, чтоб блюсти его наряду и с иными правительственными циркулярами.

Севастьян, услышав много незнакомых слов, доселе не доносившихся до его ушей, и вовсе растерялся. «Выходит, не так всё просто... Где ж и кто мне оформит в собственность или в аренду земли, коли этого требует время длиною в год, а то и в два, да и деньги нужны большие. Одному со своими соболями такое дело не осилить... Видал, на какую бумагу ссылается – аж каким-то сводом уставов размахивает, поди важное Государево указание... А не вводит ли меня в заблуждение, ему все закоулки бумажные знакомы, вот и упражняется над моим неведением?.. Разбери, где правда, а где лукавство... А наседать супротив воли его, так и выставит, а опосля и не подкаатишься при нужде какой...»

Исправник, будто читая мысли Севастьяна, продолжал:

– То ж статус надо иметь соответствующий или оформить вид на хозяйство, пройти процедуру в правительственных конторах, произвести в натуре на месте межевание, пошлину оплатить немалую, посильную разве что тому или иному знатному человеку, высокого рода-племени. А ты к ним, как нам ведомо, не относишься, и непосильна тебе ноша этакая. Что у тебя кроме пушнины и грошей малых накоплено, на то разве что с девками недостойного поведения покутить хватит. – Исправник беззлобно рассмеялся, но тут же сменил выражение лица и серьёзным тоном отрезал: – А посему и вопрос твой пока неразрешимый выходит.

– Но ведь люд-то копошится, роют породы, – опомнившись от слов исправника, с осторожностью в голосе не унимался Севастьян, а внутри всё кипело: «Это как же, что ж теперь, коли сословием не вышел и не того рода-племени... Да знал бы ты, исправник, что самородок у меня имеется и откуда взялся, так по другому заговорил бы... Э, нет, не время тебе знать! Эх, да что там...»

– И ты можешь, безусловно, такую работу на себя взвалить, если под каким купцом или баринком подпишешься. Всяк в таком деле себе хозяин – иди и батрачь, хоть с весны до белых мух, слова никто супротив не скажет.

«Выходит, стойбище, с которым кочует Хоньикан, платит подати, коли официально на таковых казённых землях оленеводством занимаются, а скорее эти земли им самим принадлежат и они сами по себе хозяева, ведь так Хоньикан говорил – на Жуе, на Хомолхо, возможно, и ещё где. Их стойбище большое, скопом и веник можно переломить, это не я один как тонкий пруттик... А на поклон к старосте стойбища идти постыдно – мало того, под носом золото мыть непонятно на каких условиях, а золото откроется, так столбить надобно, а земли-то не мои, а людей приведёшь, а там какой для них прок, только озлобишь тунгусов и свою душу терзать стану? Хоньикан первый меня проклянёт... Податься на прииски и поделиться открытием, так всяко может сложиться – там хозяева народ жжёный, налягут на стойбище, обкрутят, обманут и пустыми всех по миру пустят, а мне разве что рубли малые в горсть сунут, и всё... Так от этих рублей всю жизнь карман будет жечь, и с позором по земле ноги таскать придётся...»

– Где ж найти благодетелей с землями оформленными или с казной богатой, чтоб мне поверили и доверили самому дело такое большое, выгодное вести?

– Хватает таких: одних купцов и чиновников, знатных и разного уровня в России хватает, знать только нужно, к кому и с какой стороны подойти. Можно и чрез их помощников, иных служивых кому свои заботы они решать поручают. На прииски тебе надобно ехать, там и ответ найти должен, разговор поведут, если интерес к тебе проявят. А проявить могут – затухают разработки от малого содержания золота в песках, а иные и вовсе работы свёртывают. – Ряженцев положил обе руки на колени, давая понять собеседнику об окончании беседы. – Послушай меня, совет напоследок дам: зная твою судьбу нелёгкую и удачливость в охотничьих промыслах, так и занимайся таким ремеслом, в этом у тебя дорожка протоптана. Не такие, как ты, за золотом тянулись и погорели – одни горбчатся за копейки, а иные в земле гниют, где

копались. – Ряженцев поднялся со стула и шагнул к Севастьяну. – Так что, Перваков, думай, прежде чем голову в ярмо совать. Ну, а ежели на том твёрдо стоять хочется, так при случае подмогу, замолвлю слово, если кто таковых одержимых искать вздумает, – с этими словами он слегка хлопнул Севастьяна по плечу и выпроводил из конторы, затем вернулся к своему столу и присел за него со словами: – И чего человеку неймётся, сам от дела своего выгодного бежит.

Его помощники, корпевшие над бумагами, на это развели лишь руками.

Севастьян же шёл по дороге домой в подавленном настроении, со смешанными в душе чувствами от услышанных слов исправника, неудовлетворённым и растерянным...

Глава 5

Весна в Олёкминск пришла ранняя, дружная, снег с сопок скатился повсеместно уже во второй половине мая. С приходом тепла оживилась не только растительность, но и весь около двух сотен люд, обустроивший это поселение на реке Лене.

К этому времени прибыло ещё несколько семей из разных губерний, из Тобольской, Омской, Енисейской. Обживатьсь начали сразу, с русской хваткой – с утра до вечера посильным трудом заготавливали лес для домов, ошкуривали, двуручными пилами распускали на доски, ставили срубы, устраивали крыши. Утеплялись собранным мхом, в округе которого хоть пруд пруди. И слышны были то тут, то там шарканье и звон пил, стук топоров, тесавших древесину, и молотков, забивавших шканты и гвозди.

Местные же жители занимались на земле посадками картофеля, высаживали разную зелень и овощи, приводили в порядок бедное, но всё же своё хозяйство – ремонтировали крыши построек и завалинок, дровней, наводили ревизию лошадиной упряжи. В округе витал запах оттаявшего навоза, перемешанный с прохладой реки и ароматом леса, плотно заполнившего Олёкминск.

Более двухсот лет стоит поселение со времён, как основали его енисейские казаки под предводительством атамана Петра Бекетова. Поставили острог, и образовался Олёкминский округ. Здесь разместился и исправник, со своими помощником и секретарём, представлявшие полицейское управление. Выслушивали и разрешали они все споры и раздоры меж жителями, вели они и своё делопроизводство, к коему в последнее время относилась и регистрация застолблённых золотоискателями участков.

Около четырёх десятков домов и с дюжину юрт – это и есть окружной центр. Небольшой, но для таёжной отдалённости немалый. А народ всякий и из разных мест: разночинцы, мещане, казаки, мелкие купцы, имелось и своё духовное лицо. Бога здесь чтили и молебны читали, обо всём Господа просили: в охоте на зверя, в заготовке пушнины, рыбы, а в последние годы и в поисках золота, коим так большинство одержимы были.

С первым каюком, приплывшим по реке под вёслами и парусами, в это время здесь появились два человека. С виду выглядели представительными, уверенными, знающими себе цену. По ним было видно – прибыли сюда не ради полюбопытствовать о бытии местных жителей, а по делам, о коих никому пока не говорили.

Местные жители сразу заметили знатных людей и гадали: кто ж такие, откуда прибыли, в связи с чем и по какому поводу? Больше всего сходились в скупке ими золота и пушнины, а чего больше.

Первым, кого посетили неизвестные, как сошли с судна на берег, был исправник Олёкминского округа Ряженцев.

Гости вошли в его контору без стука, а Ряженцев, глянув на вошедших, понял – люди непростые, представительные, и это его напрягло, но виду не показал: «Уж не ревизоры ли Государевы?.. Хотя никто не предупреждал... В таком разе каким ветром и с какими же поручениями или заботами пожаловали?.. Впервые личности вижу, впервые...»

Следом за гостями вошёл мужичок – местный житель. Он поставил нехитрый саквояж прибывших, получил от одного из них плату за услугу, раскланялся и удалился.

Ряженцев повернул голову в сторону своих подчинённых и на их лицах прочёл недоумение, смешанное с любопытством. Интуитивно понимая, что следует как можно внимательнее отнестись к вошедшим господам, предложил присесть на табуреты и представился:

– Исправник округа Ряженцев Святослав Романович, – тут же кивком головы показал на своих подручных: – А это мои подчинённые – помощник Никодим Иванович Постников и

секретарь Николай Игнатьевич Малов. А как изволите вас величать и по каким делам прибыли иль с поручением каким?

Гости неспешно осмотрели контору и обитавших в ней чиновников.

Помещение малое, и в тесном её пространстве вольготно могли работать не более трёх человек, коими и были пред ними трое служащих, восседавшие на стульях за канцелярскими столами. Два табурета и лавка, стоявшие при входе, предназначались для посетителей. В углу стоял высокий шкаф, наполовину заполненный папками с клапанами и скоросшивателями, рядом металлический сейф. Мебель пошарканная, познавшая время, но крепкая, видать, сделана мастеровыми на совесть. На стене висела небольшая картина Александра Орловского, отображающая лихого казака на белом коне.

Служащие же разновозрастные. Помощник выглядел старше всех, телом худой, с залысиной и куцей седоватой бородкой; секретарь молодой, высокого роста, по глазам смотрелся смышлёным и шустрым. Исправник средних лет, упитанный брюнет, брови и усы – чёрные как смоль, нос крупный с небольшим бугорком, выглядит опрятно, и, судя по мундиру и начищенным сапогам, любит чистоту и порядок.

– Снимайте с себя сюртуки и присаживайтесь, – пригласил Ряженцев, а секретарю бросил: – Помогите господам раздеться.

Гости, оставшись в рубашках с поверх одетыми жилетами, проскрипев сапогами, подошли к столу исправника, и присели на любезно пододвинутые секретарём табуреты.

– Извольте, представляюсь: иркутский первой гильдии купец Кондрат Петрович Трубников.

Ряженцев глянул на второго.

– Прошу любить и жаловать – действительный статский советник Кузьма Гаврилович Рачковский.

«Давненько такие особы в наших краях не объявлялись...» – мелькнуло в голове исправника, и он, не затягивая паузу, спросил:

– Чем могу быть полезным, господа?

Вместо ответа Ряженцев услышал вопрос от Рачковского:

– Какова здесь жизнь, чем довольствуется народ?

Исправник во всех подробностях изложил гостям род занятий поселения, каковы лесные и речные угодья, поведал о торговле пушниной и меной товаров между охотниками с местными и приезжими купцами, не скрыл и о дразгах и спорах, случаемых меж людьми.

– И всё? – уточнил Рачковский.

– В округе функционируют прииски, это тема особая, и о ней скажу так...

Ряженцев со всеми подробностями сообщил, где и на каких ключах занят народ промысловой песков, кто является хозяевами разработок, о бедности золотосодержащих пород, о недовольстве наёмных, занятых на промысловых работах. Но, мол, люди терпят, деваться некуда, жить на что-то надо, но и каждый надеется, что вот-вот добыча пойдёт богаче и достаток придёт. Не скрыл и о фактах хищения драгоценного металла на промыслах, виной чего бедность наёмного люда. Скрытно, тайком от хозяев сбывают за продукты и алкоголь, иные прячут на чёрный день, а за руку трудно поймать – где ж горному надзору за всеми усмотреть.

– Понятно, – подытожил Рачковский, дав понять исправнику о достаточности изложенной им характеристики о местных делах.

– Ну а как, уважаемый Святослав Романович, обстоятельства складываются на иных речках, имеются ещё где поисковики золотого песка? – вступил в разговор Трубников. – Какие ключи разведывают, от чьего имени?

– Есть таковые. Залихорадило якутских и с других мест купцов и разных предпринимателей, потянулись в нашу таёжную глухомань и народ простецкий за собой тянут из губерний всяких, в основном из крестьянских душ. Так они в надежде фарта и копаются, где укажут, иль

в свободном поиске шастают по наставлению слова хозяйского. – Исправник достал журнал, открыл, пролистнул две-три страницы и, тыча пальцем, продолжал: – Вон сколь, аж четыре отряда в пойме Олёкмы, небольшой численностью, а одержимы и друг пред другом в соперниках. Бывают и стычки – меж собой повздорят, словами покидаются, на том и заканчиваются разбирательства до следующего раза. У всех глаза горят, да руки чешутся, гребут лопатами землю, копошатся, а оно всё впустую, вот озлобленность и зависть живут рядом, коль кто знаки золотые обнаружат. Видать, не везде, не во всех долинах богатства оные зарыты.

– Земли-то купеческие или казённые? – уточнил Трубников.

– Всякие в нашей местности, и казённые, арендуемые, а где прииски, так те в ведение купцов переведены. Больше земель государственных пустопорожных, на них тунгусы обитают, с давних пор владеют ими, то ж народ исключительный, на особом положении. Стойбищами стоят, где кочуют с места на место, и всюду одна забота – табуны оленей содержат, ловлей пушного зверя занимаются, рыбу ловят. У них всё скупают, пушнина добрая, мех богатый, что говорить, веками их предки таким ремеслом владеют, знают, где и как зверя взять, как шкурки выделывать, этого у них не отнять – умельцы. Хотя чего говорить, и олёкминские охотники в мастерстве тунгусам не уступают, умеют пушнину достать, меж ними разногласий не усматривалось, меж собою ладят, всяк в своём уголье лыжами зимние путики гладит.

– Где ж уголья люда охотничьего? – Рачковский спросил, наперёд зная ответ – не хотел паузы в беседе, нужно было осмыслить главный вопрос к исправнику, а сам глянул на Трубникова. Они встретились взглядами и понимающе обменялись кивками.

– Да повсюду, волка ж ноги кормят, а тайгу не объять, по всей ей родимой и носят свои ноги, – ответил исправник и, захлопнув журнал, положил его перед собой.

Рачковский смотрел в упор на исправника с минуту, отчего Ряженцев поёжился, в этот момент ему очень захотелось узнать: в конце концов, какая же цель появления этих господ? Его не устраивала неопределённость и затянувшееся с ними общение.

– Вам, любезный Святослав Романович, как представителю местной власти, должно быть известно, кто и где из поселенцев Олёкминска промысел свой ведет. Поди и следопыты есть знатные, коли рассказываете, тунгусам в сноровке не уступают. По речкам ближним и дальним хаживают, не так ли? – Рачковский прищурился и пристально продолжал глядеть на исправника.

– Как не знать. В основном люди зрелые, а то и преклонного возраста, есть и молодые, но в делах таёжных никому не уступят – сильны в делах промысловых.

– Вы б, милейший Святослав Романович, по каждому удачливому охотнику изложили б нам подробности, – вставил слово Трубников.

– Да чего тут, какие подробности, все они на виду, в любую избу заходи, там и удалец на все руки.

– И всё же?

– Если вас интересует, кто больше пушнины заготавливает, так они почти все ровня, а характером разные: кто скрытный, кто с открытой душой, кто балагурить любит, иные молчуны, слова не добьёшься. Тот же Савва Меренов, трудяга, живёт один как перст, редко с кем словом перекинется, всё в одиночку и сам себе на уме, – тут Ряженцев вроде как встрепенулся: – А на селе ещё одна душа одинокая живёт – парень неженатый, но охотник бывалый, натаскал его отец, пока жив был, так тайгу эту вдоль и поперёк исходил, лентяем не рос, оттого и трудолюбие в нём упорное, жилистый, в отцову кровь удался, тот был знаток на все руки.

– Почто так говорите – одинокий, ладно отец умер, а матушка не при нём, что ли?

– И она ушла за мужем разом с ним, вот и остался один в избе, что отец построил. Из Орловской губернии семья, а судьба вот так сложилась. А парень видный, умом пытливый, охочий просторы изучать-мерить. Ему во времена Ермака родиться надо было б, так Василий

Тимофеевич непременно при себе б его держал, крепкий, что кедр сибирский, и смелостью не обделён.

Трубникову и Рачковскому такая характеристика о молодом местном жителе приглянулась. Таков человек на дело серьёзное гош.

– А как, совестлив ли, замечен ли на руку к чужому? – спросил Трубников.

– Э-э, тут твёрдо скажу: Севастьян Перваков о чужое не пачкается, лежать добро будет чьё, не поднимет, а коли поднимет, хозяину снесёт. Таких немного, среди таковых пять-шесть найдутся, вот, к примеру, тамбовский мещанин Зиновий Окулов, приехал, прикипел к здешним местам, освоился, а характером твёрд и не лукавый, хватка есть и руки не корявые.

– Какого сословия-то будет этот Перваков?

– Из крестьян, а по натуре, как пояснил, редкой породы. Тут вот заходил давеча, но будто его кто поменял – одержимость золото искать взяла. Только вышел из тайги и про золото мне тут выговаривал, мол, желание имеет страстное поисками его заняться и пески золотые мыть. Одержим, словно нашёл уже его где.

– А кто знает, нашёл, а молчит.

– Нет, рассказал бы, не скрыл. А пытать его расспросами не стал. Придёт время – скажет, не нашёл, так оно так и останется. Пушкина его ремесло, где ж ему золотые промыслы осилить. – Исправник ухмыльнулся. – Не того птица полёта, не того.

– Глянуть бы воочию на молодого человека, словом с ним обмолвиться, к делу, может, его приобщим.

– Полюбопытствую, что ж за дело задумано, или не время секрет раскрыть. – Ряженцев глянул на гостей, а сам подумал: уж не слишком ли пытливость проявляю, оно и осадить могут.

Внутреннее волнение исправника не скрылось от глаз Рачковского и Трубникова. Они переглянулись. Трубников провёл ладонью по голове, вроде как пригладил волосы, и неспешной речью ответил:

– Прибыли мы с намерениями разведать земли и речки их омывающие, поисками золота заняться, а если и обнаружим чего, так добычу поставить потребную. А для такой работы нужны-с люди надёжные, чтобы доверить им сию ответственность и мы в них были уверены.

Ряженцев вздохнул с облегчением: «Ну, слава Богу, прояснилось, чего только в уме наворотил... Уж я-то думал, с какой ревизией, а тут вот что, и эти господа туда же – золото привлекло, не даёт покою... Не они первые, не они последние...»

– Что ж, не ново слышать, не ново – много перебывало, да проку мало. Кто знает, может, вас, господа, посетит удача, – облегчённо выдохнул исправник.

– Хотелось бы, милейший, хотелось, в чём мы и надеемся. Приглядимся к людям, познаем, кто чем дышит, и от вашей подсказки не откажемся, определимся с районами поисков, сформируем отряды, и в добрый путь.

– Чем могу, подсоблю, господа, о людях всех премного наслышан, подскажу, кто к чему больше прилежание имеет. Ну, а если с пользой ваше дело обернётся, милости прошу – без промедления регистрацию участка оформим, застолбим, как положено по всей форме.

Глава 6

Рачковский и Трубников покинули исправника, предложившего им поселиться в постоялом дворе, кой находился в центре села и содержался неким Фомой Лукичом Штыриным. Исправник распорядился помощнику найти кого-либо помочь доставить саквояж гостей, и он исполнил быстро – спустя считанные минуты носильщик уже появился на пороге управы.

При постоялом дворе была конюшня и небольшой трактир, где можно харчеваться и что-либо выпить, для проживания имелось несколько спальных комнат. Штырин, будучи предприимчивым человеком, построил гостиные покои и хозяйственные строения с дальновидностью – проезжие люди, а они всегда были, а тут с разработкой золотых долин так и вовсе перспектива открылась. Кто на прииски, кто с приисков всегда заглядывали, а трактир приискателям что отдушиной служил. В Олёкминске многие оставались зимовать по разным причинам. Кто не хотел тратить время на долгую дорогу возвращения домой и решал остаться до следующего сезона, хотя и достаточные деньги имел; другие ж, если с малыми средствами, в свои губернии возвращаться и вовсе не желали, чем хвастать, не особо чем, вот и оставались до весны на новый наём. От уныния, а больше отчаяния топили своё настроение в горячительной жидкости.

Многие деньги прожигали в межсезонье, заработав до наступления холодов, зиму встречали и проводили её в безделье и за выпивкой, местные тоже были небезучастны приложиться к спиртному. Таким Штырин, как и лавочник Руснак был рад – прибыль сама текла ему в руки. Бывало, и разногласия промеж себя мужики проявляли, если шумный спор какой заходил или драку затевали, то соглядатай Штырина – Степан Горохов – угрюмый и крупно сложенный, словно бык, всякого уговорить готов был. Когда грозным словом призовет к порядку, когда и кулаком приложится и выдворит наружу, дабы другим неповадно было. А махал ручищами Горохов от души, будто желал с одного разу выбить всю спесь и хмель из бунтаря. Проспавшись и с синяками, дебоширы не жаловались, а чего тут – сами виноваты, а исправнику челобитную подашь, так тот только рукой махнёт и разбираться не будет – не тот случай, ради которого время терять следует, а то ещё и штрафом обложит.

Местные поселенцы от приискателей не отворачивались, когда те, пропивши все деньги, шли на поклон – дать им какую работу за пропитание. Работа находилась – заготовка дров, что-то построить, отремонтировать, подлатать дровни, телеги, да мало ли в хозяйствах забот, вот и батрачили, чтоб до весны от голоду не помереть.

О том, что в Олёкминске имеется постоянный дом для проезжих людей, а их в последнее время стало заметно больше, чем в предыдущие годы, Трубников и Рачковский узнали от иркутского купца Серебрякова, побывавшего на здешних приисках, но имевшего виды заняться золотоисканием в поймах речек, впадающих в реки Витим и Лену. Узнав, что они собрались в дальнюю дорогу до Олёкмы, дал несколько дельных советов в преодолении столь трудного пути, изложил вкратце о поселении и что представляет тамошняя местность. Кое-какие подробности получили и из уст купца Лагутина. Оба не пугали, но предостерегали – места уж больно глухие и люди всякие, с разным умыслом встречаются.

На постоялом дворе Трубникова и Рачковского встретили приветливо, Штырин шаркал ногами, раскланивался, спешил во всём угодить иркутским господам. Поселил их в лучших комнатах, велел накормить шурпой из грудинки дикой козы, тушёной олениной и чаем, предложил по чарке водки, отчего гости не отказались, правда, попросили умерить норму – налить не по чарке, а по шкалику.

Сытный обед располагал к отдыху, но Трубников и Рачковский решили пройтись по Олёкминску, воочию изучить его невеликие окрестности, а главное, самим найти хвалёного исправником Севастьяна Первакова. Посмотреть на него, побеседовать, узнать, чем мотиви-

ровал острое желание заняться поиском золота, увидеть его быт, который о многом бы тоже мог рассказать про человека.

– А вот сдаётся мне, любезный Кузьма Гаврилович, этот самый Перваков не напрасно метнулся от заготовки пушнины на промысел драгоценного металла, не напрасно. – Трубников шёл и с интересом рассматривал строения и дворы, обнесённые тыном.

У большинства домов на привязи собаки, они начинали гавкать, как только чужие проходили мимо, а если задерживались, с ещё большей злобой оглашали улицу своим лаем.

– Уж не думаете ли, что наткнулся где на месторождение и азарт взял?

– Маловероятно, но и не исключаю.

– Исправник заверил: парень не скрыл бы, так что...

– Мог и скрыть, не поверив власти, затаиться со своими мыслями.

– Кто знает, может, и так, а может, желание просто-напросто молодой человек вынашивает.

У проходившего мимо мужика спросили, где двор Первакова. Тот, с любопытствомглянув на незнакомцев и узрев в них знатных людей, поспешил объяснить, как пройти, где свернуть. Незнакомцы направились в указанном направлении, а мужик долго стоял и смотрел им вслед.

Дом Первакова особо не отличался от других домов.

Вообще все жилища на селе построены однообразно: стены из кругляка сосны, иные из лиственницы, утеплены мхом, крыши крыты тёсом, много сараев и навесов, заполненных запасами дров, во многих дворах сани, телеги и разная утварь. Тын же сплетён больше из разнообразных видов неделовой древесины: тонкие стволы деревьев, толстые прутья, крупные ветки.

Увидев во дворе молодого человека, сидевшего на лавке у завалинки и занятого плетением рыболовной снасти, иркутские гости остановились пред калиткой и с любопытством наблюдали, с какой сноровкой вяжется сеть, казалось, это делалось без труда, а руки и пальцы сами по себе в работе.

Трубников подал голос:

– Молодой человек, сделайте одолжение, оторвитесь от дел.

Севастьян вопросительно взглянул на незнакомцев: «Люди знатные, доселе в Олёкминске их не встречал, знать, только что прибыли, наверняка скупщики пушнины, а может, по торговым делам?»

Севастьян отложил сеть и подошёл к калитке, хотел было поздороваться и спросить, чего хотят господа, но Трубников опередил:

– Добрый день. Перваков вы будете?

– Да, я Перваков. Перваков Севастьян Михайлович. Если я вам нужен, так позвольте узнать, по какой надобности? Или от меня желаете что узнать?

– Не соизволили бы впустить нас? Как-то через городьбу неуместно беседу вести, а разговор может оказаться длинным, – предложил Рачковский.

Севастьян скинул с кола калитки петлю, что являлась примитивным запором, и, настежь открыв вход, пригласил таинственных личностей во двор. Далее провёл в избу. Тут же засуетился угостить чаем, но гости наотрез отказались, сославшись на сытость.

Трубников и Рачковский огляделись. Небольшая кухня, горница и малая комната. В избе порядок – при входе самотканый ручной работы коврик, вешалка с крючками из дерева, в комнате кровать деревянная и застелена покрывалом стареньким, но на вид чистым, шкаф, похожий на комод, дощатый стол выглядел массивным, прочным, в красном углу небольшие иконы Иисуса Христа и Святой Богородицы.

Войдя, оба – Рачковский и Трубников – перекрестились и поклонились образам, хозяин же дома для себя отметил: «Православные и Бога чтят».

Севастьян предложил гостям присесть к столу на табуреты, коли обмолвились о предстоящей длительной беседе. Все трое присели к столу.

– Так, стало быть, хозяйничаешь один в этом доме? – спросил Трубников.

– Один, думаю собакой обзавестись, так вдвоём будем, а если две, так втроём.

– Охотник, а без собаки. Почему?

– Была, в прошлом году не стало. А без лайки никак нельзя, такой помощник в тайге всегда сподручный.

Трубников внимательно глянул на хозяина избы и, чтобы не томить его неопределённо-стью посещения, представил себя и Рачковского:

– Прежде чем о чём говорить, следует нам назваться. Я Трубников Кондрат Петрович – иркутский первой гильдии купец, – наклонившись в Рачковскому, добавил: – Кузьма Гаврилович Рачковский – действительный статский советник.

Севастьян напрягся, столь высокого ранга господ он не встречал в глубинке, а тем более вот они – сидят в его жилище, за одним с ним столом. «Знают мою фамилию, пришли намеренно. От кого, кто назвал? Зачем понадобился, раз ко мне заглянули? Кто-либо из местных чего накаркал? В чём интерес их ко мне?.. Неуж посетили управу и от исправника или его помощников что-то обо мне из их уст услышали?.. Хотя чего обо мне можно наговорить, чем мог привлечь внимание?..» – раздумывал Севастьян.

Но его мысли прервал Трубников, приметив волнение парня:

– Не мучайте себя, для чего и по какому поводу пожаловали. Всё одно не разгадаете. Ходить вокруг да около не будем, есть разговор на тему, что волнует вас в последнее время – о поисках золота в здешних местах.

– Но я охотник, потомственный охотник, и мне неведомо такое занятие, с чего вдруг взяли, что имею желание поменять ремесло? Ваше высочество, ошибаетесь, я не тот человек, за которого меня вам кто-то представил, – возразил Севастьян, неожиданно услышав, что интересуется прибывших господ, а в голове пронеслось: под полом хранит золотой самородок, будто эти два человека пронюхали о нём и пришли забрать, выпытать из него, откуда эта драгоценность. «Но кто, кто мог сказать им об этом?.. Кто?.. Да нет же, это известно только двоим – мне и Хоньикану. До Хоньикана далеко, да он ни при каких обстоятельствах не рассказал бы чужим людям. Так откуда же, кто?..»

– Молодой человек, скажем прямо, – вступил в разговор Рачковский, – о ваших планах по поискам драгоценного металла и разработке золотоносных речек, кои вам, если удастся обнаружить, стало известно два часа назад от исправника Святослава Романовича Ряженцева. Не переживайте, плохих слов о вас мы не слышали, а, напротив, только хорошие. Он и изложил нам ваше стремление в летние месяцы посвятить себя разведке ключей и речек, кои протекают по долинам Олёкминского округа.

Теперь, когда всё прояснилось, Севастьян, с одной стороны, успокоился и даже обрадовался – неужели удача рядом, это как раз те люди, которым подвластно поднять такое большое дело – у них денег и возможностей немерено, с другой стороны, насторожился: «Кто знает, как обернётся дело, если им откроюсь, разложив весь расклад? А прежде чем довериться, надо крепко подумать, крепко!..»

– Ну, это я так высказал всего лишь намерения, а Севастьян Романович мне посоветовал поразмыслить, стоит ли заниматься столь хлопотным, а к тому же малоперспективным делом.

– Как знать, как знать, если человек к чему-то стремится, он обязательно достигнет своей цели. А у вас цель есть, она благая, и это главное, – заметил Рачковский.

– К тому же вот я гляжу на вас, и моё внутреннее чутьё подсказывает: вы, должно быть, удачлив. Да, да, есть в вас что-то такое одержимое, есть, – вставил своё слово Трубников. – Нам нужны люди, которым можно доверить сие дело, в которых должны быть уверены, в их настойчивости в преодолении трудностей, какие могут встретиться на пути к поиску золота,

скрытого в недрах Сибири. – Трубников, прокашлявшись, добавил: – И потом, мы положиться можем исключительно на честных людей, к коим, насколько слышаны, вы относитесь. А эта черта характера крайне важна, крайне!

Севастьян слушал, а мысли бежали сами по себе: «Понятно, чего хотят господа. Однако не мягко ли стелют? А может, я напругу напустил, в сомнения ударился? Где ж представится такая возможность с подобными чинами речь вести? Вряд ли... А если так рассудить: Бога уважают – крест перстами на себя прикладывают, говорят вроде начистоту, надежду свою возложить желают на опытных таёжников, а главное, совестливых ищут... Знать, сами с совестью и по совести желают всё делать. Осмелеть да проявить интерес, а с самородком обождать пока. Как, Севастьян, не промахнёмся, рискнём?..»

– А чего, если по совести, так и посудачить можно, – выдал из себя Севастьян.

– По совести, а как же иначе, только по обоюдной доверительности, – подтвердил Трубников и внутренне обрадовался тону охотника, а чтобы ещё более придать ему уверенности в его согласии, предложил: – Кривить душой не стану, не в моём положении ни по статусу, ни по возрасту, а посему предлагаю вам, Севастьян Михайлович, и даю слово купеческое: назначить своим доверенным лицом.

– Это ж как я должен понимать, как же вы мне такое дело в руки дать можете? – удивился Севастьян.

– А вот так прямо и понимать. Оформлю официально чрез полицейское окружное управление документ – доверенность на право действовать от моего имени в поисках месторождений золота, на все работы, связанные с установкой столбов границ участков, на которых будут найдены золотые пески. Участвовать в регистрации таких участков, вести наём рабочей силы в моё отсутствие, заниматься прочими заботами касаясь разведочных и промышленных дел, включая и добычу. Ну как, согласен?

Душа Севастьяна трепетала: «Да неуж такой документ составит? Это что ж выходит, я вроде как в доле, они доверяют мне как самим себе, зная, что провести их смогу, как мальцов, меня ж всего как час знают, да на слова исправника опираются. Ведь не берут себе в голову, что деньги получу от них за труды и на этом всё – к осени скажу: разведал, нет в речках золота, а оплата при мне останется. Нет, так они не помышляют обо мне, заверили – по совести должно быть, вот и доверяют... Верить надо людям, а как без веры, смотри, какие зажиточные и при должностях высоких, а речь ведут со мной, с простым мужиком, это ж надо! А если что не так, так Господь рядом – сохранит и поможет, а их накажет, ежели обманут... Главное, Бога не гневить».

– Ваше сиятельство, вот в охотничьих делах, не хвастаясь, всем владею, а в промыслах золота не умею, не учил меня этакому ремеслу никто, знать знаю, видел со стороны, а чтоб самому, нет, не приходилось, но желание горит.

– Желание – это хорошо, оно помехой не бывает, а рвение придаст. А что трудно познать, так на первых порах оно любое дело сразу не даётся. Главное, найти золото, пришлём горных умельцев, а они уж приложат усилия – научат этой науке, да так тебя привяжет сия работа, что и от пушины души отвернётся.

Глава 7

Рачковский и Трубников досиделись до чая, коим решил угостить их Севастьян. На стол хозяин поставил прошлогодние солёные грузди, белые, с аппетитно выглядевшими кромками шляпок, варёное мясо оленины, несколько малосольных хариусов.

– Отведайте, гости дорогие, угощения, чем богат, тому и рад, откуда ж было знать, что мой дом посетят господа иркутские, знал бы, так чего ещё приготовил, – промолвил Севастьян, в завершении нарезая ножом хлеб.

– Чего ж тут ещё выставлять, и так хороша закуска, свежая и сытная. Нет, в этих краях с голоду умереть никак не можно, если не лениться. При таком угощении и про ужин можно забыть на постоялом дворе, – улыбнулся Трубников.

– И водка имеется, если желаете. – Севастьян предложил, а сам засомневался, стоило ли господам предлагать выпивку, как себе равному, оно и рассерчать могут.

– А чего же не приложиться, если имеется. – Рачковский кивнул в знак согласия.

Водку пили, но добавили её гости лишь в чай и немного, чему Севастьян удивлялся – впервые видел таковое использование. Гости же поясняли: оно и так достаточно, а согревает и здоровью не вредит.

– А если б к этому чаю лимончик нарезать, да окунуть его в чашку, так цены не было б напитку, уж очень полезная вещь, – пояснил Трубников.

Где ж было взять Севастьяну лимон, он в жизни его не видел и не знает ни вкуса, ни запаха его, а оттого и промолчал, будто пропустил мимо ушей про экзотический фрукт. Разве что слышал, есть такой, и больше в царских палатах, боярских и дворянских хоромах на столы выставляется.

Трубников мелкими глотками пил чай, которому посчитал достаточно читать хвалебную оду, следовало говорить по делу:

– Так вот, Севастьян Михайлович, с вами разрешили, нашли общее понимание, завтра же с утра и оформим на вас доверенность. Народ местный знаете, так что, не мешкая, подобрать следует двух-трёх человек, объявите им, какими полномочиями наделены и от чьего имени, бумагу покажите, дабы не сомневались.

– Да что ж вы, Кондрат Петрович, всё меня по имени и по отчеству-то да на вы кличете, не велик родом, чтоб так уважительно обращаться. Зовите Севастьяном.

– Как в народе говорят: назови хоть горшком, только в печь не сажай, – рассмеялся Трубников. – Ну, коли просьба такая, так и быть тому, Севастьян. Одну половину начала сверстали, дело за второй.

– И вторая сладится, подберу людей добрых, и двинем искать сокровища, – отозвался Севастьян.

– Всё так, но нужны два поисковых отряда. Один возглавишь ты, второй должен от имени Кузьмы Гавриловича. – Трубников наклонился в сторону Рачковского, занятого нарезкой малосольной рыбины. – Подумай, прежде чем назвать имя человека, которому ты мог бы довериться как себе, честному, благородному, не замаранному в сомнительных делишках.

Рачковский положил рыбью дольку в рот и посмотрел на Севастьяна:

– Личность должна быть по натуре надёжной, уравновешенной, жизнь повидавшей, бывалой, грамотёшкой хотя бы малой владеть. На него, как и на тебя будет оформлена бумага, станет моим доверенным лицом, с такими же полномочиями, как озвучил Кондрат Петрович.

– Так сразу и не скажу, подумать след.

– А ты подумай, подумай, спешка плохой советчик, народ здесь не избалованный, так среди надёжных людей понадобится лучший.

Севастьян перебрал в памяти жителей: «Все заслуживают внимания, с давних пор обжились в таёжном селе, прошли трудности, испытали нужду. Назвать Сохина или Сушкова? Оба стоящие, охотники опытные, как и я, много сопок ногами перемеряли, при нужде человека в беде не оставят... Нет, этих мужиков лучше в свой отряд пригласить. А что, если предложить Окулова? Чего, личность стоящая, как-никак мещанин, он же из самого Тамбова. Честности ему ни у кого не занимать, у самого чрез край. Да, конечно, Окулов! Чего тут далее гадать-думать».

– Есть такой человек, могу за него голову на плаху положить, аккуратно подойдёт и, думаю, не откажется, если интересом его займёте.

– Кто ж таков? – Рачковский отложил еду и проникся всем вниманием услышать кандидатуру будущего доверенного лица.

– Окулов. Зиновий Окулов – тамбовский мещанин, человек дюже обязательный, лучшего не сыщите.

– Ого, как сказал, – удивился Кузьма Гаврилович. – Гляди-ко, фамилию эту мы уже слышали из уст исправника, и ты вот о нём хлопочешь, ручаешься, знать, и вправду человек надёжный. Завтра, не откладывая, сведёшь нас с ним, побеседуем. Но нужно, чтоб и люди за ним пошли, вот так же двое-трое, не более.

– Пойдут, за этим пойдут, – уверил Севастьян.

– Пока этого мещанина не видел, но хочется верить в надежду его.

– Не сомневайтесь, пойдут за ним люди, подберёт, кого надобно.

– Ну и ладно, дай Бог. – Рачковский глянул на образа и перекрестился.

Трубников положил руку на плечо хозяину избы и тоном, не вызывающим сомнений, произнёс:

– Если всё сложится, золото обнаружим где, работы развернём, ты, Севастьян, поверь, поиному заживёшь, уважаемым человеком в Олёкминском округе станешь, а может, в губернии, а то и по всей Сибири-матушке. Великое дело задумано, с великой надеждой и виды имеем.

Эти слова Севастьяна окончательно уверили в добрых намерениях господ, и, чтобы они не имели сомнений в открытии мест золотых залежей, решил показать самородок, хотелось доказать успех предпринятого похода.

– Поиски ожидаются не напрасными, знаю я место с золотыми камнями, никто среди наших охотников не был там, кроме меня.

Рачковский и Трубников от такого признания Севастьяна оживились, смотрели на парня. Трубников спросил:

– Так ты ведаешь, где имеется золото?.. Не лукавишь?..

– Да как можно, Кондрат Петрович, как можно так думать. Вот вам крест. – Севастьян перстами сделал ото лба до пупа и с правого плеча на левое крестное знамение. – Знаю речку с золотыми запасами, ноне был там, почему и обратился к исправнику оказать содействие, ан нет, не позволил, нет у меня возможностей, говорит, по разным причинам. А скрытно брать золото с речки всё одно что жуликом значиться.

Севастьян поднялся из-за стола и обратился к Трубникову:

– Извольте потревожить вас, Кондрат Петрович, переседайте с табуреткой чуть поодаль.

Трубников удивился просьбе, но подчинился – сдвинул табурет и вновь присел, ждать, чего хочет хозяин.

Севастьян открыл крышку погребка, спрыгнул в нутро и скрылся, копошился и вскоре показался вновь, держа в руке свёрток. Закрыв крышку, подсел к столу, пододвинулся ближе и Трубников.

Севастьян развернул суконную тряпицу, и тут гости увидели самородок золота, при виде его у них округлились глаза.

– С той самой реки, что ноне на ней был. – Севастьян держал золото на ладони и улыбался.

Самородок подержали в своих руках и Рачковский с Трубниковым, у обоих глаза горели неподдельной и искренней радостью, а больше удивлением, первым высказал своё мнение Трубников:

– С известной тебе речки, говоришь, стоящая находка, весьма стоящая! Ну, ты, Севастьян, прямо находка, ты прямо сам самородок сибирский! – воскликнул Трубников. – А коли так, то мы с Кузьмой Романовичем в путь тоже отправимся с двумя отрядами, непременно при таком обороте отправимся.

– А как же с доверенностями на золотое дело, коли сами решили до речки идти? – Севастьян смотрел с выжиданием: «Не поведу на Хомолхо, пока не сделают потребные бумаги, и не скажу, откуда золото...»

– Об этом, мил человек, не беспокойся, оно так и будет, завтра же оформляем все документы, завтра же!

Севастьян успокоился: «Ну, господа аж вздрогнули!.. Рады, узнавши, что дело не в проигрыше, самолично решили убедиться, что ж, это и к лучшему, главное, приобщат меня к столь стоящему занятию».

Самородок вернули Севастьяну, он держал его на левой ладони, правой же гладил, словно крохотное, только что родившееся живое существо. Он смотрел на лица гостей и видел в них неимоверный интерес, выпиравший наружу, игравший в их глазах той искрой, которая способна зажечь людей, ставших обладателями чего-то важного и весьма дорогого.

Севастьян спросил:

– Ваше сиятельство, а осилите ли вы дорогу тернистую, это не по городским улицам на каретах разъезживать, здесь ни дорог, ни троп, кроме звериных.

– Э-э, парень, что ж думаешь, мы к трудностям не приучены? Ошибаешься, молодой человек, ошибаешься. Понимаем, тайга, но мы ж с надёжными людьми отправимся.

– Правильней подчеркнуть, с доверенными лицами, кои определились – с Перваковым Севастьяном Михайловичем, – Рачковский положил руку на плечо Севастьяну, – и названным тобою Окуловым Зиновием, кстати, как по батюшке этого тамбовского мещанина?

– Петрович, Зиновий Петрович.

– Окуловым Зиновием Петровичем, – повторил Рачковский. – Медлить с формированием поисковых отрядов нам не резон, не откладывая, в три дня не более необходимо будет снаряжаться и в добрую дорогу.

– Время уже позднее, а завтра и обсудим все подробности, формальности же с оформлением доверенностей выполним с утра, так что, Севастьян, к девяти часам уж соизволь быть в полицейском управлении.

За окном потемнело, Севастьян зажёл восковую свечку, Трубников с Рачковским собрались уходить.

– Самородок-то схорони от глаз людских, разный народ бывает, – посоветовал Трубников.

На что Севастьян ответил:

– Окромя меня и вас о нём никто не ведаёт. Просьба великая: уж не сказывайте о нём исправнику. Скрыл от него я вещь эту ценную, не ради худого соображения, а к делу применить желал.

– Вот и правильно, оно и не к чему было докладывать о находке, всё должно быть до времени. Господь вроде как и навёл тебя на нас, а знать, и дело сладим, Севастьян, несомненно, сладим, – заверил Рачковский.

– Ещё одна просьба: на речке той стойбище тунгусов, земля ими облюбована, они хозяева долины по каким-то особым положениям. Нельзя их обижать, как-то по-людски бы поступить надобно. Дух тайги, он один из богов их, что не так – беду накличат. Обиду затаят – удачи не будет, а мне так в огне гореть станется от позора, что людей привёл не обдумавши.

– Хм, что ж, у исправника завтра выясним, на каком положении та речка, что назовёшь-укажешь, тунгусы владеют. А там на месте решим с ними, недомолвок не оставим, если что, и выкупим земли по выгодной им цене, не обидим, слово купеческое даю, – заверил Трубников.

– А ты, Севастьян, осмотрительный, гляжу, название речки в тайне держишь. Одобряю, прежде чем довериться, проверять надобно, не расходятся ли слова с делом. Наверняка промеж себя надумал, мол, явились, наговорили, намололи тебе сто вёрст до небес, и всё лесом. Не сомневайся, всё сложим, как говорено, а спозаранку уж найди Зиновия Окулова да с ним с утречка до исправника, мы уж после завтрака у него будем, да метрики не забудьте прихватить с собой, – подсказал напоследок Рачковский.

Глава 8

Проводив купца и советника до калитки, Севастьян вернулся в избу. Сидел за столом, разглядывал самородок. «Вот что в тебе есть? Камень и камень, разве что блестишь и тяжело-ват, господа говорят, металл драгоценный. Откуда в тебе сила такая! Сколь ты принёс в тайгу шуму, суматохи, людей что подменили – рыщут, копают, моют... Правду подметил советник: Господь их навёл на меня, услышал, это ж надо, доверенным лицом иркутского купца назначен буду! Ай да дела. Жалко, не дожили родители до дня светлого, а то б и забыли нужду житейскую, на старости б жили по-человечески, в достатке...»

Невольно в памяти Севастьяна всплыла печальная, вернее, трагическая смерть родителей. Предстали до боли горькие воспоминания об их утрате.

Как и почему его будущие отец и мать переехали в Сибирь, Севастьян узнал от них в свои малые годы. Здесь, в Олёкминске, он родился, рос смышлёным, пытливым до знаний мальчишкой, дивила его тайга с её дремучими лесами, шумными речками, а какую зверушку если увидел, так неопиcуемый восторг охватывал. Грамоте научила мать – Мария Федосеевна. В своё время окончила она церковно-приходскую школу, было и несколько книжек своих, подаренных ей людьми добрыми. Научившись буквам и их сложению, вначале по слогам Севастьян читал эти книжки, а как сноровку взял, так читал уже уверенно, перечитывал.

Вышла замуж Мария за Михаила Первакова. Нравилось ему в ней всё: и красота русская, и голос певучий, нрав кроткий, характером добрая. Одним словом, внимание положил на девушку, на других и не поглядывал. А иных девчат в деревне было немало, и все заглядывались на Михаила – ростом в сажень, что такое лень, не знал, к привычкам вредным тяги не испытывал – табак не курил, а чтоб выпивши был, никогда не примечали.

Мария же отвечала на взгляды и разговоры парня сдержанно, не позволяла ей скромность на то открыто свои чувства напоказ выставлять. А люб он ей был, но на шею вешаться ему себе не позволяла – что на деревне скажут?

Долго Михаил за девушкой не ухаживал. А чего тянуть, коль душа сама всё решила, к тому ж видел – Мария не противилась.

На Рождество Христово и объявил Марии о желании взять её в жёны. Пришёл к её родителям без сватов, всё и выложил. Назначили день свадьбы и отыграли её, как тому полагается. Из родни были родители жениха и невесты, родственники, два друга Михаила и три подружки Марии.

Стол хотя и не барский, но поесть было что, самогонку пили, и закусить было чем. Гармошка, песни и пляски до ночи раздавались в доме Перваковых. А вскоре Михаил с Марией отделились от родителей – свой дом Михаил поставил. Рубить сруб начал ещё по глубокой осени, а закончил до весны, отец и тесть помогали, до посевной успеть торопились.

Всё бы ладно, живи и радуйся. Но точила их одна заноза. Нет, не та, что в тело вбивается и вытащить можно, а зависть от глаза недоброго.

Затаила злобу на Михаила одна девица, уж шибко нравился он ей, желание вынашивала женить его на себе, а оно вот как вышло – не то что в жёны взять, так и ни разу не глянул в её сторону. Ненависть просто жгла её, а под стать и её мать Фёкла туда же – поддакивала и разлуки молодым желала, наговоры шептала разные, отвары настаивала и плескала ими скрытно в сторону Михаила и Марии, когда по улице мимо проходили.

Мало того, к советам и помощи прибегали к знахарке из соседней деревни – сделать поихнему – навести порчу на Марию, а Михаила к дочке приворотить. Где ж бабы языки скрыть чего могли, дошла молва о недобрых замыслах до свекрови и матери, они и давай головой качать и осуждать деяния тайные.

То ли от наговоров недобрых, то ли так слаживалось, но у молодых иной раз нет-нет, да происходили явления нежелательные. То свинья сдохла, то среди кур падёж приключился, собака пропала, а тут и выкидыш у Марии случился. Родня связывала это только от сглаза, но за руку не поймает недоброжелателей, а выскажешь, так пошлют куда подалее, и рот заткнёшь, а ещё и позорить возьмутся, мол, оговоры наводят, людей баламутят.

Прошлой весной сын помещика Корнилова слёг в постель, а вскоре помер. Так ходили слухи, вроде как Фёкла приложилась с воздействием нечистых сил, своими наговорами его в гроб свела. А повод был – что-то он ей нагрубил принародно, да шибко ругался, за дело или ради потехи, толком мало кто знает, а она на него и ополчилась. Гадать оставалось: или на самом деле это грязных рук и языка Фёклы, или и впрямь на него хворь сама по себе страшная свалилась, но люди после этого косо глядели на Фёклу, обходили, сторонились, старались с ней не якшаться, боялись глаза злонравного.

Как-то свекровь пришла в дом молодых и посоветовала:

– Уезжать вам, Михаил, вместе с Марией надобно, уезжать от беды неминуемой. Эти две змеи подколенные не уймутся, доведут порчу до завершения. Не дай Бог, – перекрестилась. – Творят, зная чего, но не ведая, какой грех несут непростительный, не видать им рая небесного, а гореть в аду, гореть долго и в муках.

Михаил слушал свекровь, думал, поглядывал на расстроенную Марию, от безысходности желваки на скулах перекачивались, кулаки сжимал. Если был бы пред ним недруг, так справился – дал отпор, а тут бабы, умом рехнувшиеся.

– И где ж люди берут столь зависти, это ж какой яд в себе держать надобно? Я каждый день молюсь за вас, как могу, пытаюсь отвести от вас гадости. Мой вам совет: уезжайте, сердце моё не выдержит на всё это смотреть, да и твои, Михаил, родители переживают, мечутся. А вы жить только начинаете. Трудно на новом месте устроиваться, но и здесь оставаться не след.

Свекровь ушла, а Михаил долго сидели с Марией и обсуждали озвученный совет, размышляли. От греха подальше и решили сняться с насиженного места и уехать, чем дальше, тем лучше.

Родители Михаила против не были, самих, как и у свекрови, такие же мысли донимали, оттого смирились и благословили на дальнюю дорогу, туда, что Сибирью зовётся. Не захотел Михаил в Орловской губернии оставаться.

Добравшись по Лене до Олёкминска, стали обживать. Дом срубил Михаил добрый, небольшой, но крепкий, землю с Марией подняли, у местных заняли кое-какие семена, и первый урожай уже порадовал. Земля плодородная, словно по людям соскучилась – рожала, на радость хозяев.

Михаил познакомился с местными жителями, быстро перехватил от них науку по охотничьим и рыболовным мудростям. Пушнину добывал умело, сети плёл, улов всегда получался удачным. Появились деньги, жить стало легче. А тут уже и сын родился, нарекли Севастьяном, в честь прадеда, а прошлые деревенские неприятности туманом покрылись.

Но и тут не обошлось от глаза дурного. Не все на земле люди добрые, завистливые среди них попадаются и чужому благополучию не рады.

В соседнем охотничьем угодье промышлял Никодим Заворотнюк. Промысловик не ахти какой умелый, но соболя и белку брал, на хлеб деньги водились, в долгу ни пред кем не числился. А наряду с этим крысятничал окаянный, имелся такой грех. Жадность вселилась в мужика и не отпускала. Удачливых охотников не любил, про себя о них мысли недостойные вынашивал. Пройти мимо чужих ловчих приспособлений не мог, оглядевшись и прячась, снимал порой и трофей сторонний.

Догадывались, предполагали олёкминские мужики, чьих рук дело, что за «лиса» завелась в посёлке, кто тропы чужие со своими путает. Но... Уличить эту крысу никому не удавалось – знал, подлец, когда и где можно нос свой воровской сунуть.

Посещал Заворотнюк и Михаила угодыя. А уж они ему покоя не давали – богатые зверьём всяким и путиками обустроенными. К тому ж два зимовья, что Михаил поставил, срублены добротнo и в местах пригодных. У самого-то было одно зимовье и то выглядело убогой землянкой.

Дом, что построил Михаил в Олёкминске, тоже у Заворотнюка вызывал восхищение, а больше досада нездоровая голову сверлила. «Вот же умелец, во всём горазд, впереди всех норовит...» – зудил про себя Заворотнюк.

Сын у Перваковых рос, что называется, не по дням, а по часам – время летело быстро. Что говорить, минуты идут, а годы будто летят, не остановишь. Севастьян подрос, стал его Михаил натаскивать таёжному ремеслу – учить пушного зверя добывать, зверя скрадывать, рыбу ловить в речках. Быстро схватывал Севастьян охотничьи хитрости, а иной раз и свои придумывал, отец удивлялся и радовался смекалке отрока.

Все сезоны пропадал Севастьян в тайге с отцом, а Михаил доволен был – ведь какая подмога выросла, орёл парень!

Детей Михаилу с Марией окромя Севастьяна Бог не дал. Всю свою любовь на единственного сына и тратили. Мечтами обросли – разживутся, станут крепко на ноги, сын женится, и возьмётся своими корнями их род из Орловской губернии в землю сибирскую.

Но в один из летних дней ушли мать с отцом в тайгу и не вернулись. Отец сказал, что обещал сводить жену в свои владения охотничьи, показать избушки лесные. Она давно просила его об этом, вот Михаил и решил прогуляться с супругой, пусть удовлетворит любопытство своё, уж сколь живут в Сибири, а тайги настоящей дремучей так и не видела.

Ждал Севастьян их возвращения и не дождался. День прошёл, второй, предполагал: мало ли, до зимовья дошли, непогода застала, пережидают. А в это время и на самом деле дожди зарядили. Когда же на третьи сутки ветром унесло тяжёлые тучи за дальние сопки, ярко засветило солнце, погода восстановилась, Севастьяна охватило волнение: «Да где же они? Почему задерживаются? Не случилось ли чего?..»

На четвёртый день Севастьян отправился в полицейское управление. Исправник выслушал беспокойство парня и предложил подождать ещё один-два дня, если не появятся, послать группу охотников на поиски.

Но тревожное состояние не давало Севастьяну покоя, не стал ждать и в этот же день отправился в тайгу. Нацепил патронташ, ружьё на плечо, вещевой мешок с едой взвалил на спину, закрыл дом, отцепил собаку и пошагали вместе в нужном направлении. Места были ему знакомы, много раз хаживал, приметны для глаз скалы, камни, расщелины, растительность, тропы-то натоптаны, по зимним путикам больше проходят. Норд то забегал вперёд, то отставал, либо кидался в сторону за каким-то шорохом, то и дело облаивал птиц и любопытных бурундуков.

Покрыв путь до первого зимовья, Севастьян не обнаружил родителей, не было здесь и чего-либо из их вещей. Идти дальше не позволил наступивший вечер. Ужинал без аппетита, ел только ради надобности – восполнить силы, накормил Норда и завалился на нары. Сон не шёл, волнение сдавливало грудь, а мысли бежали одна другой тревожней. Где-то пред утром вздремнул лишь один час, но и этого хватило для мало-мальски некоей бодрости. Хотя бодростью это нельзя было назвать – нутро трепетало от неопределённости и даже одолевавшего страха за жизнь отца и матери.

Наспех позавтракав, подпёр палкой дверь избушки, кликнул Норда, и они вместе отправились в дальнейший путь. До второго зимовья добрались после полудня.

К удивлению Севастьяна, и здесь он родителей не обнаружил. То, что они посетили таёжное жилище, это факт – тому свидетельством были свежая зола в печке, котелок на лавке с остатками варева и пара чистых деревянных ложек, лежавшие на столе, вроде как те, кто их

оставил, должны вернуться с минуты на минуту. У Севастьяна в глазах блеснула надежда, воспрянул духом: «Где-то рядом! Значит, след подождать...»

Но наступил вечер, и никто к зимовью не подошёл, и снова у Севастьяна внутри как что-то оборвалось. «Что-то не так, но что?.. Не иначе беда... Что?.. Что?!»

Вторую ночь Севастьян не мог уснуть, всухомятку пожевав кусочек вяленой оленины, прилёг на нары. Норд в этот раз корм себе добыл сам – поймал зайца, притащил хозяину, а Севастьян разделал тушку, отрезал заднюю часть, остальное отдал собаке. Где-то в углу избушки и под подоконником слышалось шуршание мышей, полёвки вылезли на поиски пищи, кою имели иногда возможность обнаружить и полакомиться. Когда в зимовье появлялись люди, они здесь становились частыми непрошеными гостями. Сухари, подвешенные под кровлей в мешочке, для них были недостижимы, но съедобные крошки на столе или ещё где могли их порадовать. Севастьян шушукнул на серую тварь, и они притихли, он же углубился в размышления: «Куда податься с утра, что обследовать, в какие места заглянуть? Заблудиться не могли, отец не тот человек, чтобы плутать по тайге, тем более на своих угодьях. А может, подались ещё куда?.. Нужно пройти соседние урочища, кто знает, могли забрести и тула. Маловероятно, но могли... А чьи эти урочища? Восточный участок – Рогулина, западный – Заворотнюка. С какого начать? Пожалуй, с западного. Как-то отец молвил о его пакостях, может, решил проверить, не у него ли исчезнувшие наши ловушки? Грешил отец на него, и, возможно, не напрасно. И всё одно, почто бродить-то долго? Нет, не так, что-то не так... А сходить схожу, дабы не думалось...»

Мысли прервал лай собаки, Севастьян вышел из избушки, прихватив ружьё – кто его знает, что собаку могло потревожить?

– Ты чего, Норд? Чего шум поднял, чужой где или от тоски голос подал?

Норд виновато вильнул хвостом, опустил морду.

– И ты, верно, чувствуешь что-то недоброе. Завтра поспешим перейти речку и перевалим малый голец.

Утро наступило, и вновь Севастьян побрёл, как и определился, в сторону соседнего угодья. Тропы не было, приходилось идти сплошным лесом, затем вышел на увал, шагать стало легче, а спустившись вниз, набрёл на мари. Вода хлюпала под ногами, а через половину версты началось болото. «Место гиблое, придётся обойти по склону сопки», – решил Севастьян и собрался было свернуть с пути, как заметил в шести-семи саженях у кочки лоскут ткани. О ужас! В этом лоскуте он узнал косынку родного человека. Среди тысячи косынок он бы узнал, что она принадлежит именно его матери. С ярко-голубым полем, на котором белые ромашки, и с ярко-красной широкой каймой. В ней мать и отправилась с отцом в тайгу. Эту косынку отец подарил ей по случаю её дня рождения, и она редко с ней расставалась.

Севастьяна охватило нехорошее предчувствие, отозвавшееся мурашками на спине. Немедля он направился в сторону замеченной вещи, и одновременно на противоположной стороне болота метнулась чёрная тень – то был человек. И сомнений не было – не испугнутый зверь, а именно человек. Норд взялся отчаянным лаем. Неизвестный же мгновенно скрылся среди зарослей, и всё стихло.

«Кто это? Почему испугался и скрылся?.. Почему бросился бежать? Ведь заметил же меня, но почему не открылся?..» – донимали вопросы Севастьяна.

Постояв в раздумьях, Севастьян решил добраться до косынки, но, ступив несколько шагов, остепенился из-за опасной трясины. Ноги не чувствовали под собой твёрдости, жижа предательски хлюпала. Не зря говорят: не зная броду, не суйся в воду, и Севастьян, следуя народной мудрости, повернул назад, понимая – оступись, и в топь по пояс, а то и по грудь засосёт и не выберешься, помощи дожидаться не от кого, а собака палку-выручалочку не подаст.

Громко крикнув несколько раз отца, обратившись в сторону распадка, Севастьян ответа не дождался. Лишь эхо отзывалось среди окружающих его гольцов, но и оно затухало на их вершинах и исчезало, словно туманное привидение.

Осознав бесполезность зова, мысли вернулись к человеку по ту сторону болота. Севастьян просто распирала странность и неизвестность: кто это мог быть, не беглец ли, скрывающийся от преследования волостных властей или от людей, желавших расправиться с ним? Явно не из местных, иначе бы не шарахался, а встрече был бы рад.

Раздумывая, Севастьян пришёл к выводу: раз незнакомец убежал и не захотел выйти, значит, он его либо боится, либо встреча для него нежелательна. Но почему?... – этот вопрос так и завис в воздухе.

«Что ж, в любом случае нужно выяснить: кто это, а главное, видел ли он моих родителей, знает ли о них что-либо? Это для меня сейчас самое важное! Обогну болото и выйду на зимовье Заворотнюка, наверняка эта таинственная личность осела в его избушке. В этом урочище оно одно, а до других добраться, будет вынужден покрыть многие вёрсты, да и вряд ли он знает их местонахождение. Просто следует подкрадываться с осторожностью, не спугнуть, а то, подобно быстроногой козе, вновь рванёт с места».

Болото представляло собой преграду не особо великую, в длину три версты, в ширину не более двадцати сажений, скрывающие над поверхностью своё чудовищное топкое чрево, и никто не знает из путников, где его может проглотить мерзкая ненасытная глотка.

Обогнув болото, Севастьян вышел на сухой склон, поросший смешанным лесом. Ели и берёзы со всех сторон обступали молодого охотника. О, если бы они могли рассказать ему, где проходили его отец и мать и почему они могли здесь оказаться, что их заставило идти по болоту? Но они молчали и вряд ли когда и кому могут раскрыть таёжные тайны, те, о которых знали и что предстоит когда-то увидеть, стать свидетелями.

К зимовью напрямки Севастьян не пошёл, предполагая, что незнакомец мог притаиться и ждать. Решил пересечь елань и присмотреться к избушке в отдалении от неё. Сквозь кустарник, рассматривая зимовье, он ничего подозрительного не обнаружил, приблизился, дверь подпёрта сухостойной палкой, значит, внутри никого нет. Отставив в сторону палку, открыл дверь и вошёл вовнутрь. Пахло слабым теплом – несмотря на лето, печь, видать, утром была протоплена. Предположительно готовили пищу на печке или сушили одежду.

Севастьян подумал: «Тот, кто здесь нашёл приют, где-то рядом. Бывало, заблудившиеся путники или охотники, попавшие под влияние непогоды, посещали чужие зимовья и находили в них временный кров, в каждой лесной избушке для таких случаев имелись спички, свечи или лампы, соль и сухари, а бывало, и крупа. Спички являлись диковинкой и только вот в последние два-три года появились в Олёкминске. Жители, особенно охотники высоко оценили такую новинку, позволяющую получить в любое время огонь простым способом. Цена спичек кусалась, но необходимость их приобретения была обоснованной. Купцы привозили их и с успехом вели торг наряду с доставленным в посёлок товаром, за счёт спичек старались снизить стоимость принимаемой пушнины. Так поступал и лавочник. Неохотно шли звероловы на снижение цены, но что поделать, по некоей части шкурки вынужденно шли на уступки.

Начало смеркаться. Вдруг Норд залаял, и тут же прогремел ружейный выстрел, собака взвизгнула и умолкла.

«Кто это?! Явно недобрый человек, злой! Раз убил собаку, хочет большего – избавиться от меня. Но почему?... Что я сделал плохого этому скрытному озлобленному дьяволу?... – пронеслось в голове Севастьяна.

Открыть дверь зимовья – значит заведомо поставить себя под ружейное дуло, наверняка вход держится под прицелом. Севастьян извлёк из патронташа патрон и вставил его в патронник. Внимательно глянул наружу через окно. Маленькое, но всё же позволявшее рассмотреть прилегающий участок леса. Никаких движений, кроме покачиваний веток и шевеле-

ний листьев на деревьях. Остальные три стороны от зимовья были неизвестны, на которой из них мог притаиться убийца собаки.

Севастьян приметил в углу висевшую на гвозде выдавшую время суконную куртку. Сообразив, как она ему может сгодиться, снял её с гвоздя, подставил под ворот палку, приоткрыл дверь и куртку высунул наружу. Сгущающиеся сумерки помогли – на расстоянии нельзя было понять, это человек или чучело, и реакция зловещего незнакомца не заставила себя ждать. Прогремел выстрел почти сразу и довольно-таки точно – пуля прошла куртку, отщипнув на вылете щепку на двери. В мгновение ока Севастьян, зная, чтобы перезарядить ружьё, нужно время, выскочил из укрытия и кинулся в сторону опешившего неудачника.

Тот же кинулся бежать, устремившись в заросли. Севастьян, обладавший лучшей сноровкой, нежели убийца, не отставал, а, напротив, сокращал расстояние прыжок за прыжком, а догнав, ударил беглеца прикладом в спину. Свалившись, незнакомец пал ниц. Севастьян рванул за плечо и перевернул его навзничь и тут же опешил – пред ним лежал с испуганным и в то же время злобным лицом Заворотнюк.

– Никодим? – удивился и опешил Севастьян. – Что за зверь вселился в тебя? Чего вытворяешь, собаку мою застрелил, хотел убить меня, а стрелял метко, и мальцу понять можно – ох, как же хотел убить, да осечка вышла, не рассмотрел толком, во что целился. Ах ты, гнида! А ну вставай!

Заворотнюк медленно и нехотя поднялся, шумно плевался, шипел с пеной изо рта, бросал взгляды исподлобья, и в них отражались бешенство и ярая озлобленность.

Да, это был уже не тот Заворотнюк, которого знал Севастьян и привыкли видеть селяне, его словно подменили, выглядел теперь совершенно иным человеком, мгновенно облачившимся в шкуру затравленного волка.

– А ну пошли, подлец, поговорим по душам, выложишь мне, каким гневом оброс.

Ружьё, патронташ и нож Заворотнюка Севастьян забрал в целях безопасности, сейчас они могли в руках взбесившегося односельчанина быть крайне опасными.

В зимовье Севастьян накрепко связал Заворотнику верёвкой руки на пояснице, конец же привязал к столбу, подпиравшему потолок, представлявший собой бревенчатый накат из не особо толстой листовенницы. Зажёг свечку, присел к столу и тяжело вздохнул, пристально взглянул в лицо Заворотнюка, тот же отвёл лицо в сторону и молчал. Хотелось крепко ударить эту тварь, но всё же сдержался.

– Так какая тебе шлея на хвост наступила? Чего озверел-то? – спросил Севастьян, продолжая разглядывать отвратительную физиономию пленника.

Заворотнюк глядел в пол, он словно сверлил глазами половицы землянки, что не скрылось от внимания молодого охотника. «Не напрасно половицы тебя волнуют. А что, если под половицами что и прячет? Вскрыть да глянуть», – с этими мыслями Севастьян взял у печи топор и принялся вскрывать доски, те, которые держались свободнее. Заворотнюк напрягся, зарычал, как раненый зверь.

– Ага, чуешь, чья собака кусок мяса съела. Посмотрим, чего схоронил тут, уж даже любопытно.

Под половицами оказался неглубокий погреб, со дна которого Севастьян извлёк два рогожных мешка. Вскрыл оба. В одном шкурки соболя и горностая, во втором – ловушки, которые больше удивили, нежели пушнина. Хорошая половина ловушек была отцовская. Они были приметными, сделаны своими руками, часть смастерил и Севастьян, и это с болью отозвалось у него в груди.

– Ах ты мразь, вот каким ремеслом занимаешься, правду селяне про тебя сказывают, да за подлым делом не могли застать. Рыскаешь по чужим угодьям, к тому ж и зверя с силков снимал. Что ж у тебя руки не оттуда растут, коль самому лень силки мастерить и зверя скрадывать? Ах ты тварь, теперь-то все будут знать, каков ты фрукт. Зараза! Пусть решает село, с тобой

что делать, одно знаю – на плот народ тебя усадит и отправит вниз по Лене, если на вилы не поднимут.

Пленённый выл от злобы, пытался освободить руки, от бессилия несколько раз сплюнул перед собой.

Севастьян же, выговорившись, задумался, и вдруг его осенила мысль. «Отец и мать оказались в зимовье у Заворотнюка, нашли то, что сейчас пред ним в мешках, признали свой инвентарь, завязалась ссора... Но, постой, если бы завязалась ссора или драка, то отец его заломал бы, факт, осилил. Но почему так произошло, Заворотнюк жив, и на нём даже царапины нет, а родители исчезли, испарились, словно утренняя роса... И это явно его рук дело, а чьих же ещё? Конечно, его! Язык наизнанку выверну, но дознаюсь, убью, но дознаюсь!» – кипел всем нутром Севастьян.

– Заворотнюк, если хочешь жить, ты мне сейчас расскажешь, что произошло на зимовье, когда у тебя появились мой отец и мать.

– Никто у меня не появлялся, чего выдумываешь? – процедил связанный.

– Врёшь! Я тебе сейчас язык вырву!

– Вырвешь, вообще ничего не услышишь, – зло ухмыльнулся Заворотнюк.

– Да я и так догадываюсь, узнал отец о твоих проделках, а ты дорогу проложил им чрез топь в болотах. Так?!

Хозяин избушки сверкнул глазами.

– Ишь чего выдумал. Да, были, видели, поговорили шумно и разошлись мирно, а каким путём будут возвращаться, мне не докладывали.

– Врёшь, мразь, врешь! Пристрелю, падла! – вскипел Севастьян и схватился за ружьё, взвёл курок.

– Э-э, парень, не шали, брось баловаться ружьём, оно ж и выстрелить может.

– Может, если правду не выложишь. На болотной кочке я увидел материну косынку, и это твоя работа, больше ничья!

– Так кто ж виноват, коли чрез топь отправились, я им не хозяин.

– Врёшь поганец! Разумею, косынку-то сегодня хотел снять с кочки, знать, ход по болоту знаешь, убрать улику имел намерения, а как же, вещь-то сама рассказывает, а ты, завидев меня, быстрее оленя из виду скрылся. А появился я, так и от меня спешил избавиться. Убью, коль таиться вздумаешь! Всё говори, падла! – Севастьян дуло ружья навёл на голову Заворотнюка и приложил палец на курок, отчего тот вздрогнул, страх сковал тело, но язык развязался, и он выдавил из себя:

– Не дури, не дури! Всё расскажу, оставь ружьё, ничего не утаю, только не убивай. Откуплюсь, поверь, откуплюсь!

– Так не тяни, а не то! – Севастьян дулом упёрся во взмокший лоб негодяя.

– Ну, умоляю же, убери ружьё, всё расскажу!

Севастьян с ружьём присел на нары и с нетерпением ждал исповедание связанного типа, ставшего для него отвратительным, мерзким. И Заворотнюк, прокашлявшись и выдохнув воздух из лёгких, полудрожащим голосом начал:

– Два дня назад пришли твои предки, в пору как я латал кровлю. Михаил заставил меня показать свои закутки, я спросил, на кой обыск учинить вздумал? В ответ услышал упрёк: не чист на руки я, желает глянуть, чем зверушек ловлю. Так сразу с ходу и пошёл на меня, напирает речами, грозит. А тут твоя мамаша заглянула в зимовье и узрела разложенные ловушки и шкурки. И надо ж мне их было выложить пред их приходом, знал бы, так ещё далее сходвал. Она и давай Михаилу маячить, мол, гляди, нет ли здесь чего твоего. Мишка и глянул, признал свои ловушки, норовил было с кулаками на меня наброситься, я остановил. Говорю, чего кипятиться, виноват, бес попутал, всё сполна верну и с лихвой добавлю, даже пушнину

в довесок положу. А пушнина у меня добрая, сам видишь, хочу по осени купцам спустить, с приходом последних каюков...

– Ты мне про пушнину оставь, по делу толкуй! – перебил Севастьян и тряхнул ружьём.

– Ну, Михаил наступать на меня начал, грозился, как и ты, пред народом всё выложить. Что ж тут, понял, позор терпеть придётся, да с места обжитого скovyрнуть могут. Предложил Мишке мировую, он ни в какую и словами обидными бросался. Всё, думаю, не уговорить мужика. Тогда я его и заверил: завтра сам всё снесу до его зимовья, и с повинной пушай ведёт меня до села, а там пред людьми покаюсь, прощения просить буду. Он и дал добро. С тем он с матерью твоей и подались отсюда. Чай не стали пить, отказались, оно и понятно – в ненависти на меня оба были. А тут в душу-то мою и влез чёрт, будь он неладен, подсказал, как избавиться от позора и презрения – загубить их души и концы в воду. Тайга большая, кто что услышит, увидит, канут с концами, и всё тут.

Мишка хотел было возвращаться той же дорогой, какой и ты прошёл до зимовья моего, а на это полдня положит, а вечерело. Я и предложил ему путь короткий, напрямки чрез болото. Он-то не знает путь этот, в этой долине доселе не хаживал. Ходок же узкий окромя меня никто не знает, а я по болоту хоть при луне пройти могу – вехи имеются.

Михаил-то и согласился, с условием, что я проводником буду и первым через топь пойду, а они след в след за мной. Чёрт-то мне и потакает, далее толкает на грех, а мне и не до ума пеленой опутанного, нет, чтоб остепениться, одуматься, так далее понесло окаянного...

– Про грехи оставь, это твоя беда, что дальше творил, сатана ты этакая! – снова Севастьян оборвал Заворотнюка и тряхнул ружьём.

– Зимовье прикрыл, и подались до болота, коль согласились. Дошли, я сразу по вехам и пошёл, они за мной. В трясине две ямы имеются, так на второй, что ближе противоположной стороне, пока они чего-то замешкались, я незаметно для них веху переставил, сместил, чтоб прямиком ногами в жидкую яму угодили. Оно так и вышло – Мария первая оступилась, Михаил за ней кинулся и с ней рядом оказался, кличут меня, просят о помощи, мне ж того и надо было, покинул место гиблое и верхом долины к избушке вернулся.

– Ну и тварь ты, да ты ж не человек! Ты хуже зверя свирепого голодного! Убью, змей ты этакий! Убью!! – кипел Севастьян, крепко сжимая в руках ружьё. – А чего ж сегодня к болоту вернулся? Покойники, видать, снились, убедиться решил, гад ползучий!

– Правды ради скажу, приснились разок, и тяга понесла меня к болоту, глянуть, что да как, и веху на место поставить. На полпути платок приметил на кочке, Мария сбросила, прежде чем утопла, от отчаяния иль специально метку оставила. Убрать, думаю, следует эту примету, ни к чему она здесь привлекать глаз пытливый, если искать начнут, дознаваться непременно станут. А тут слышу, лай собаки, и путник идёт, приметил тебя, так назад и кинулся. Ну, а дальше чего рассказывать, сам знаешь.

Душа Севастьяна кипела, разрывалась на части, представляя себе страшную гибель, произошедшую с родителями, нашли они могилу в жидкой топи. Не по случайности, а злему умыслу негодяя. Доверившись Заворотнюку, не по воле своей покинули светлый мир, лишились жизни. Теперь они не увидят красот сибирской тайги, не услышат звуков ключей и речек, ни с кем не обмолвятся словом, не окажутся рядом с единственным сыном, отец больше никогда не пройдёт по путикам, не приложит руки к охотничьему ремеслу и страсть промысловую не проявит. Руки потянулись навести ружьё в связанного убийцу, выстрелить и оставить гнить в его отвратном таёжном жилище.

«Передать его исправнику, так отправят на каторгу, но душа-то моя покоя не будет знать, ведь в здравии наказание отбывать будет. Да разве ж это наказание? Суды тоже всяко к делу подходят, вывернется подлец, изворотится, нет же свидетелей, иначе представит признание, на меня ж сопрёт, якобы под страхом угроз на себя оговор выказал. По мне, так зарядом угомонить мразь эту гадкую. Нет уж, смерть от пули лёгкая, заслужил ты смерть страшнее, подоб-

ную, что с родителями моими выдумал. Прости меня, Господи, грех думать, а творить куда тяжелыше. А не отомщу, так как жить-то, как? Эта тварь по земле ходить будет, а отец с матушкой, с небес глядячи, что скажут, что ж я убийцу помиловал, почто отпустил с миром? Не отомщу, всю жизнь камень на сердце носить буду, места не найду, подобно псу обиженному скулить придётся... Нет места Заворотнюку на земле, нет! В аду гореть ему жарким пламенем, в аду, падал ты этакая!..»

Наступила ночь.

Устал Севастьян за день длинный тяжкий и до боли душу терзающий. Прикорнуть бы надо, да от горя глаза не смыкаются, всё думы думает, как жить далее, а перво-наперво как со света сжить врага ненавистного. Заворотнюк устал не меньше, но страх не давал ему покоя, поглядывал заискивающе, тихо ныл, надеясь вызвать у Севастьяна жалость.

Стоит пред Севастьяном картина ужасная, будто наяву видит, как оба родителя в болоте тонут. Предположить страшно, а каково им было на самом деле, да что там – в дрожь и в пот бросает. «Боже мой, где ж справедливость, чем грешны они были, не знавшие в жизни покоя и лёгкой жизни, всё в трудах и заботах, в надежде на бытие лучшее, один я остался, один как перст...» – в зимовье был слышен лишь скрежет зубов Севастьяна, готового стереть их на нет от горя и злобы. Это было единственное, что нарушало ночную тишину, потому как Заворотнюк под утро в конце концов свалил голову набок и притих в ожидании своей участи.

На рассвете Севастьян развязал пленённого и повёл его к болоту.

– Чего надумал? – тревожно спросил Заворотнюк.

– Косынку мамы подобрать хочу, вот и поможешь.

Подошли к краю болота. Заворотнюк принялся показывать расстановку вех, пояснял о створах меж ними, как ловчее и без опаски добраться до места гибели предков молодого охотника.

– Вот и шагай, как знаешь, а я за тобой, – бросил Севастьян. – Знай, кинешься спешить, а то и бежать, в спину пулю пушу.

Заворотнюк ступил в жижу и захлюпал ногами по топи, ступал уверенно, словно это была не опасная трясина, а лесная звериная тропа. Севастьян брёл следом с палкой в руках, держа заряженное ружьё на изготовку. Ствол дышал в затылок ненавистному человеку, желание было нажать на спуск, сдерживался.

Достигнув кочки, на которой лежала брошенная матерью косынка, Севастьян кратко, но жёстко приказал:

– Доставай!

– Так утопнуть могу, затянет. Говорил же, яма здесь. Палкой попробуй достать, может, дотянешься, так ловчее получится.

– Ползи, говорю, завязнешь, вытащу, не достанешь косынку, пристрелю как псину бешеную!

– Не брешешь, вытащишь, если что?

– Ты же видишь, палку в руке держу, подам.

Деваться некуда, Заворотнюк несмело, а принудительно ступил три шага к кочке, на четвёртом ноги полностью ушли в жижу, спешно и судорожно дотянулся и, схватив косынку, повернулся к Севастьяну. Севастьян, дотянувшись, выхватил платок, ружьё повесил на плечо, разгладил косынку, глядя на неё через выступившие на глазах слёзы, аккуратно свернул и положил во внутренний карман куртки. Тем временем Заворотнюк осел по пояс, его охватил ужас, и он взмолился о помощи.

– Помоги, Севастьян, подай палку.

– Я передумал, – сорвавшимся от злобы голосом бросил Севастьян и направился прочь.

Заворотнюк осел глубже – засосало по грудь, и его охватил ужас, жуткий, холодный, как весенняя вода, только что освободившаяся ото льда.

– Севастьян, ты же обещал!! – кричал Заворотнюк, неимоверно цепляясь за кочку, но она издевательски колебалась, похоже, прощалась с ним.

Севастьян отошёл на несколько сажений, не оборачиваясь, он слышал истошный вопль утопающего. Раздавалось неоднократно: «Помоги!!!» и последнее, что можно было разобрать из захлебнувшейся гортани: «Спа!..» – и всё стихло. Тишина воцарилась над болотом, вроде минутами назад здесь ничего не произошло, никто не ходил по болоту, не издавал звуков.

Безмолвие зловонных испарений больше не донимало Севастьяна, он выбрался на сушу. Прежде чем войти в зимовье, взял в руки лопату, стоявшую под навесом у входа, поодаль выкопал яму и зарыл в неё мёртвого Норда, утоптал землю и припорошил прошлогодней листвою и мхом, поверх бросил несколько мелких веток. Ничто не напоминало, что здесь покоится его любимый пёс. С минуту стоял, смотрел на погребенное место, а уж потом зашёл в зимовье Заворотнюка, собрал и сложил в мешок все ловчие изделия, изготовленные руками отца, взвалил на спину. Прежде чем покинуть избушку, бросил взгляд на пушнину: «Пусть пропадут они пропадом, не разбогатею, а чужое только во вред станется». Севастьян прикрыл дверь избушки, не оборачиваясь, отправился в путь к отцову охотничьему угодью...

Через несколько дней группа охотников, отправившихся на розыски Перваковых Михаила и Марии и Никодима Заворотнюка, вернулась ни с чем, в полном недоумении: куда пропали люди? В зимовье бесследно исчезнувшего охотника Заворотнюка забрали пушнину и его немногочисленные ловушки на соболей, ружьё и пояс с патронами. Медвежьих следов и растерзанных тел двух охотников и женщины не обнаружили, загадка удивляла и настораживала, а больше навела страху от неведения. Слухи поползли всякие, от невероятных небылиц и жутких страстей. Находились и такие, утверждали: их съели оборотни, другие – поглотили демоны, третьи – проделки лешего, всё сводилось к нечистой силе. Все эти выдумки не являлись истиной, а владел правдой лишь один человек в Олёкминске – Севастьян Перваков. Селяне лишь сопереживали молодому человеку некое время, а опосля этот случай стал забываться, как, впрочем, и всякие неприятные происшествия, происходившие с людьми в таёжном поселении.

Севастьян же после гибели родителей и расправы над их убийцей не раз заходил в сельскую церквушку, стоял подолгу пред иконами святых, шептал молитвы. О чём он молил и просил Бога, прихожане могли лишь только догадываться...

Глава 9

В это утро Севастьян поднялся ранее обычного, следовало исполнить просьбу купца и советника: дойти до Окулова, сделать так, как просили.

Подойдя к дому Окулова, Севастьян открыл калитку, а собака принялась лаять, не злобно, но настойчиво.

– Давай, давай, колокольчик, зови своего хозяина, – призывал Севастьян пса, а сам поглядывал то на окно, то на дверь, из которой кто-то должен был появиться.

Дверь избы отворилась, и на пороге появился Окулов, глянул на Первакова и сиплым спросонья голосом произнёс:

– А, это ты, Севастьян, чего ни свет ни заря, стряслось чего или помощь нужна?

– Ни то ни другое. Поговорить след потребно, дело больно неотложное.

– Заходи, коли так.

Хозяйка Окулова – Прасковья уже была на ногах, суежилась подле печки, похоже, готовила похлёбку. Предложила гостю чаю, отчего Севастьян не отказался и присел к столу. Подсел с кружкой чая и Зиновий с желанием составить компанию, он смотрел на Севастьяна и задал вопрос:

– Ну, и с чем же пожаловал?

– Издалече заходить не буду и вокруг да около кружить не стану, а начну в лоб – времени нет много разговоров говорить.

– Неуж так всё серьёзно?

– Больше чем. Ты, Зиновий, и в ум не возмёмшь.

– Что ж за невидаль раскрыть собрался?

– Слыхал, в село двое господ иркутских прибыли?

– Слыхал, как не слыхать, оно даже видел, как мимо дворов вальяжно вышагивали. Кто-то где-то взболтнул, вроде и в твой дом заглядывали. Брешут или правду глаголют, не знаю, но слух пробежал.

– Не брешут, истинно были и разговор вели до полуночи.

– Иди ты! Не уж? – удивился Окулов. – О чём толковали, почто продолжительно?

– За этим и пришёл, выложу как на духу. Ни к кому иному, а к тебе явился. – Севастьян отпил из кружки несколько глотков, хотелось промочить пересохшее горло. – Как-то по осени прошлой ты обмолвился мне, не мешало бы золотыми делами заняться. Было?

– Ну, была мысль, а чего тут отпираться. Многие желания имеют, да где ж знать, где это золото таится. Те прииски, что работают, на издыхании копошатся, вот-вот прикроются, а новые так никто пока не обнаружил.

– Вот тебе что выложу: имеются речки богатые, есть такие речки! Но наперёд заклинаю, о чём скажу, губами не шлёпать, на замке держать след. – Севастьян глянул на жену Окулова. Тот же, заметив, что имеет гость в виду, заверил:

– Нет, нет, не беспокойся – могила. Какие слова здесь вылетят, дальше стен не полетят. Так о каких речках речь идёт? Неужели сам на них набрёл, иль подсказал кто? Не томи.

– Не спеши, не блох ловишь. Есть говорю, есть, и всё тут. По этому предмету и беседу вели с господами. Отряды решили они зарядить и отправить их на поиски и застолбить золотые земли. Долго говорили, много я дум передумал. И так и эдак раскладывал, взвешивал, в уме прикидывал. Одно скажу: не могу в сторону от их предложения отойти, не могу, страсть как хочу жёлтыми камнями заняться, приобщиться к делу занятому.

– Заманчиво, но...

– Чего «но», слушай далее: купец иркутский Трубников – фамилия его такая, так решил меня назначить своим доверенным лицом. Двух человек попросил в помощники подыскать.

Напрягали меня насчёт найти кандидатуру и на второе доверенное лицо. Это уж для компаньона купца – статского советника Рачковского. Долго не думал, чего головой мотать, враз твою фамилию и назвал. Заинтересовались они, спрос учинили: кто таков, какой из себя, учёный ли неуч, какого сословия, характером ли вышел правильным, а главное, есть ли надежда в тебе. Рассказал, дурного не выкладывал, а оно и не имеется, давно знаем друг друга. Одобрили выбор и объявили, прежде чем дом мой покинуть: завтра же с утречка раннего дойти до тебя и вместе шагать до полицейского управления.

– А это ещё зачем?

– Бумаги на нас оформлять будут, а к тому настоятельно просили метрики с собой прихватить.

– Ну и рубаху ты завернул, кто б подумать мог, а?.. – Окулов почесал правой рукой затылок. – Дело стоящее, а выгорит ли? Откуда им известны земли злачные, они ж на речках не сеяли, чтоб урожай снять?

– Ты, Зиновий, скажи лучше, согласен ли, готов в компанию и отряд возглавить?

– Думать надо, не шуточно, то ведь не день, не неделю, а месяц, а то и два-три, да что там говорить – до мух белых бродить придётся по тайге, мошку кормить. А потом не факт, что золотую жилу найдём. У господ денег немерено, им что – не обеднеют, а мы-то лето кобыле под хвост бросим.

– Зиновий, ты меня знаешь, говорю: речка есть такая, я знаю, но пока назвать не могу.

– Не хочешь, не можешь или сомневаешься?

– Не могу. Да пойми ты меня, не могу, и сам должен понять почему. Чего пытаться меня в таком положении.

Окулов задумался: «Что ж, если верить Севастьяну, утверждающему, что есть такая речка, то резон налицо. Откажусь, а тут вдруг и вправду золото откроют, а я в стороне окажусь... К тому же люди серьёзные поиски оплачивают, зажиточные, раз в глухомань прибыли, знать, намерения их не напрасные. Смотри-ка, доверенность иметь буду, лицом особаго порядка значиться. Чего в таком разе раздумывать, да и Севастьян торопит, а больше, видать, господа спешат. А Севастьяну не верить не могу, знатный охотник и на слово кремень. В сомнения кинусь, ждать не будут, другого человека подыскивать станут, на мне клин светом не сошёл, найдут».

– Ладно, Севастьян, годится. Что ж тут выбирать, капризничать – была не была, а там жизнь сама всё раскидает по полочкам.

Прасковья начала было отговаривать мужа, но Зиновий отмахнулся со словами: не твоё бабское дело, не встравай, даст Бог, так поймаю удачу, а там и заживём иначе.

Окулов и Перваков подошли к полицейскому управлению через час, по дороге всё обсуждали затеянное дело. К тому времени Рачковский и Трубников находились у исправника, вели с ним разговор. Ряженцев внимательно слушал, вникал, участливо кивал головой, тут же давал распоряжения помощнику и секретарю подготовить документы – нужные формуляры и географию всех рек, речек и ключей, находящихся в границах округа.

При появлении Севастьяна и Зиновия деловые люди оживились.

– А вот и наши охотники. Так что, любезный Святослав Романович, можно приступать к оформлению доверенных лиц, – призвал Трубников и указал пальцем Севастьяну приблизиться и подать метрику.

Секретарь взялся за работу, начал составлять документ, а Рачковский отозвал Окулова и вывел его из управы, все поняли – хочет наедине с ним потолковать. Советнику следовало самому убедиться, что собой представляет человек, на которого он намерен оформить доверенность действовать от его имени, в состоянии ли и способен он выполнить нелёгкую предстоящую работу, не боится ли трудностей, можно ли на него положиться и намерен ли идти до

конца. Спросил и о Севастьяне, хотел услышать из его уст и о нём характеристику. Рачковский был удовлетворён разговором с тамбовским мещанином. Какой теперь он тамбовский, скорее ставший олёмминским, хотя тамбовским по сословию таковым и значится – отметил для себя Кузьма Гаврилович. Будучи зажиточным, он обладал и богатым жизненным опытом, с множеством людей имел дела, а отношения складывались с каждым по-разному. Кузьма Гаврилович, наученный опытом общения, был способен по глазам, мимике, манерам и говору определить, кто пред ним: честный или хитрая личность, открыто или скрытно желает достичь своей цели.

Статский советник вернулся с Окуловым в управу и дал добро к оформлению потребного документа.

Бумажные формальности были соблюдены, и Окулов с Перваковым, расписавшись в журнале, стали обладателями доверенностей. На документах стояли даты, номера, подписи исправника и печати, а главное, прописаны тексты, поручающие им от лиц уважаемых иркутских господ совершать поиски золотоносных речек в Олёмминском округе и участвовать в их закреплении путём установки столбов, определяющих границы будущих горных работ.

– Видал, Севастьян, прямо как по твоему желанию и велению божьему свершилось – добился к чему душа тянулась, аж доверенным лицом назначен, – так отметил вслух Ряженцев, поглядывая на молодого охотника. – Что ж, удачи, может, тебе повезёт золото отыскать богатое, так Кондрата Петровича и Кузьму Гавриловича порадуеть и сам с Зиновием в стороне не останетесь.

Покинув управление, Рачковский и Трубников направились к постоялому двору, увлекая за собой Первакова и Окулова, следовало обсудить сборы предстоящего похода и узнать наконец-то про речку, название которой Севастьян скрывал. Но Окулов предложил дойти до его дома, там и обсудить всё касаясь дела.

Никто не отказался, все понимали – в постоялом дворе много любопытных глаз и ушей.

Прасковья не ожидала увидеть дома столь важных персон и поначалу растерялась, но, сообразив, что зашли вести особые разговоры, а Зиновий с порога дал знать накрыть на стол, кинулась к посуде и снадобью, захлопотала у печки.

Пока гости раздевались и определялись, где им присесть, хозяйка, словно по мановению волшебной палочки, на стол выставила солёные огурцы, горячую картошку в мундире, жаренное на сковороде мясо, хлеб, а в завершение выставила штоф водки. При появлении бутылки спиртного Трубников заметил:

– А вот это лишнее, не гулять зашли, не праздновать что-либо. Спасибо, но уж будьте любезны, хозяйшечка, налейте всем ради отобедать по шкалику, а остальное убрать, в другой раз, даст Бог, повод найдётся.

Выпили, принялись за еду, и пошёл разговор.

Тема беседы пошла сама по себе. Обсуждали, что брать в дорогу, не шибко обременяя себя тяжестью, определялся перечень самого необходимого: вещи, еду, котелки, кружки и ложки, материал, чтоб укрыться в случае непогоды. Особое внимание уделили инструменту: лопаты, кирки, топоры, пилы и, конечно же, промывочные лотки, кои изготовлял из кедра поселковый мастеровой Захар Машуров, решали, на чём лучше везти груз. Рачковский и Трубников предложили на лошадях, Севастьян с Зиновием, в свою очередь, настаивали на оленях, мотивируя выносливостью животных, более приспособленных для тайги. Да, олени менее подвижны супротив коней, если несут на себе всадника, но своей неприхотливостью выигрывали.

Исключительно все расходы, связанные с экспедицией, взяли на себя Трубников с Рачковским, и это не могло быть иначе. Где ж было осилить олёмминским мужикам какие-либо затраты, к тому же в случае удачи хозяевами положения станут купец и советник, а они лишь привлечённые лица.

На Окулова и Первакова было возложено как можно быстрее определиться с надёжными помощниками, договориться с кем-либо из местных жителей взять у них в аренду или купить взрослых оленей для верховой езды и перевозки тюков с грузом. Купец и советник распорядились, чтобы муку, сахар, соль, спички и кое-какой необходимый товар закупили в лавке, на что тут же выдали деньги.

Про оружие и огнестрельные припасы ни Рачковский, ни Трубников ни разу не обмолвились, зная: доверенные лица – это опытные охотники и в тайгу без оружия соваться не будут, как и те четверо бывалых людей, что будут привлечены дополнительно.

Севастьян, как и ожидал, Сохин и Сушков, лишь узнав суть дела, согласились не мешкая, загорелись желанием и заверили: ни Севастьяна, ни знатных людей не подведут, искренне надеялись на успех предприятия.

Окулов же тоже, чтоб не ударить в грязь лицом пред Рачковским, двух охотников подбирал тщательным образом. А знал на селе всех, а потому и не составило ему труда остановиться на Никите Роткине и Семёне Завьялове. Мужики зрелые, самостоятельные, оба семейные, у каждого по одному отпрыску.

В два дня решив все дела, на третий экспедиция в количестве восьми человек покинула Олёкминск.

Севастьян, являясь проводником, ехал на олене впереди, дорога ему была знакома, чего там, прошло немного времени, как он шёл этим путём до Хомолхо. Этой же дорогой решил пойти вновь, хотя можно было и другой. За ним двигались Трубников, Рачковский и все остальные, замыкал цепочку Окулов. Августовский день выдался солнечным, тёплым, гнус не давал покоя, если проезжали мари – жужжал пред лицом, лез в глаза, норовил найти нежное место на коже и укусить. На перевалах и каменистых пустырях ветер сдувал эту мелочь, меньший удел обитания для них были гольцы и вершины сопок.

Трубникова и Рачковского мошка не особо донимала, на их головах были надеты накомарники, предусмотрительно прихваченные с собой на всякий случай из Иркутска. Они видели, как их спутники отмахивались от назойливой мелкоты, однако при этом не обращали на них внимания – сказывалась у охотников привычка к этой таёжной твари.

На первом привале после полудня следовало передохнуть, утолить голод, дать отдых животным и возможность пощипать подножный корм.

Остановились у берега небольшого озера, заросшего со всех сторон болотной растительностью. Мошка, оставив места своих посиделок, почуяла людей и тут же закружила, изучая свои жертвы. Развели огонь, и дым от костра сразу отпугнул их.

– Ага, не нравится, вошь писклявая! – воскликнул Севастьян, подкладывая дрова в костёр и наблюдая за комарами и мошкой, вынужденно отлетевшей в сторону.

Семён Завьялов, набирая воду из озера, наступил на оказавшуюся под ногой лягушку, та, не успев и квакнуть, превратилась в лепёшку.

– Вот же окаянная, что ж притаилась, под сапог попала, – буркнул Завьялов и пнул затихшую тушку в траву.

– Ну вот, безобидную тварь стубил, – вроде как с упрёком заметил Окулов.

– Не нарочно, зазевалась бедолага, а тут уж... – виновато ответил Семён, – крохотная животиночка, подлезла не вовремя.

Тут взметнулась стайка уток, перелетев низко над водой, села на другой стороне озера, недовольно крякнули и затихли.

– Может, шамальнём, да пару, а то и две вышибем, так и на огонь сразу, – оживился Семён.

– Некогда с дичью заниматься, что имеется с собой, зажуём и чаем запьём. Трогать след, до конца дня надо бы далее пройти, – не согласился Севастьян.

– Дело говоришь, щипать и потрошить утятину не ко времени, – поддакнул Окулов, доставая из мешка вяленые мясо и рыбу, сухари. – До места доберёмся, там и будем губы свежениной мазать и разносолы устраивать.

Огонь костра, что домашний уют, трещат сухие дрова, влажные ж палки шипят, подсыхают и тоже берутся пламенем. Котелок с водой закипел; настояв в нём листья брусничника, Севастьян всем налил полные кружки, первого, кого уважил, – своих благодетелей.

Для Рачковского и Трубникова глухая тайга выглядела как дремучее необозримое пространство, покрытое безмолвием с подстерегающими опасностями, они вроде притаились за каждым ветвистым деревом, густым кустарником. Но тайга и восхищала их, только здесь и вот сейчас они увидели настоящие сибирские ели и сосны, могучие разлапистые кедры и кудрявые берёзы, а сколько живности! Обширен и богат край, и нет ему цены, а если заглянуть в недра, так и там богатств немерено, трудность лишь в том, сложно обнаружить их, а отыщешь, так достать сокровища русскому мужику всегда по плечу.

Отобедав, выюки вновь нагрузили на оленей, и путники, оседлав животных, тронулись далее, впереди виделись сопки и их склоны, поросшие завораживающей взор растительностью.

Глава 10

Севастьян вёл за собой караван уверенно. Речка Чара солидная, питалась водой от множества речушек и ключей. А потому полноводными берегами сбрасывала себя в Олёкму, ещё более сильную и более многоводную. Далее путь лежал по речке Молво до её истоков, а ещё далее через хребты, дающие начало речкам Малый Патом и Бужуихта. Как много ж в тайге речек с подобным или созвучным с Бужуихтой названием, когда-то выдуманными эвенками и якутами: Бугарихта, Большая Бужуихта. Всяк по своему понимает: кто «базарная речка», кто «козье место», поди разбери. Но поскольку диких длинноногих коз водилось в этих местах немало, то последнее название, наверное, ближе всего.

Рекой шли мало из-за встречавшихся прижимов и зарослей, путь в основном проходил по склонам долин, местами по гребням сопок, они в большинстве своём были малорастительными, а порой и голыми. Путь длинный, но всех согревала надежда найти то, ради чего можно без сожаления стерпеть тяготы перехода, нелёгкого, трудного. Для Севастьяна и Зиновия и их односельчан это привычно, чего нельзя сказать о спутниках из Иркутска. Верховая езда с непривычки утомляла, еда, готовящаяся наспех, не имела ничего общего с той, к которой привыкли в обыденной повседневной жизни. Приходилось терпеть, следовало самим убедиться в наличии речки, имевшей залежи золота, о коей так искренне заверил Севастьян Перваков. Это же великое открытие, если так окажется на самом деле. А самородок, что показал Севастьян, настолько убедителен, что и не оставалось сомнений в успехе затеянного похода и уже предвещало проведение работ с промывкой золотых песков и отдачей от них немалых и долгосрочных прибылей.

Первая ночь застала путников у ключа, впадающего в речку Молво. Ключ небольшой, со студёной и чистой как слеза водой. В округе лес стоял стеной, вершины деревьев на фоне потемневшего неба, готовящихся ко сну, выглядели завораживающе и таинственно.

Охотники, как только развьючили оленей, взялись кто за устройство шалашей и разведение огня, другие принялись готовить ужин. По дороге Окулов приметил на скале кабаргу, и метким выстрелом ему удалось её добыть. Весом оказалась не более пуда. Теперь трофей был как нельзя кстати – жаркое из свежего мяса способно восстановить на долгое время силы после продолжительного трудного дня.

Рачковский с Трубниковым от усталости вытянулись на траве, и нега тут же распласталась по всему телу.

– Вы бы оба барина побереглись, земля-то она и хворь натянуть может, – посоветовал Никита Роткин. – Приподнимитесь, рогожу подстелю, оно и лучше для вас будет.

Что ж, к совету следовало прислушаться, оба встали и разместились теперь на подстилке. Наблюдали, как люди занимались приготовлением еды и подготовкой к ночлегу. Пламя костра бодрило души и служило особым гарантом безопасности в этой глухомани, могущим отпугнуть любого злобного зверя. Огонь и дым всегда страшат зверя, пред ними трепещут от страха, спешат покинуть опасность, спасая свою шкуру.

Мясо готовили на вертеле, оно румянилось и распространяло аппетитный аромат. А когда было готово, все уселись вокруг огня, он бросал свет на лица, освещал часть прилегающего пространства. Олени на длинной привязи паслись рядом, корма в достатке, и они неспешно щипали траву, листья молодых деревьев и кустарника, ягель.

Сидя у костра, все ели не спеша, хотя и были голодны, смаковали с удовольствием, поедая свеженину.

– А что, ваше сиятельство, неуж золото только в наших краях имеется, или ещё где на Руси добывают? – спросил Семён Завьялов и глянул на Рачковского.

– Почто ж, нет, есть места на земле русской и иные. Рек и речек множество, но не всякие из них золотой песок омывают.

– Да, золото это не мышь, пискнула, и сразу обнаружил. То лежит жёлтый камень молчком, от людей хоронится, – заметил Семён.

– Особые условия природные требуются, а потому и не везде залегают богатства, тысячами укладывалось оно в недра и не всюду.

– А где ж его в других местах роют? – Собеседник продолжал пытливно смотреть на Рачковского.

– К примеру, в Томской губернии как два десятка лет найдено было. Случай особый, можно сказать, дюже уникальный.

– Что ж так? – снова подал голос Семён.

– Коль любопытство разбирает, можно и просветить. Хотя ради истины, где правда, где выдумка, судить не берусь, расскажу, что сам от людей слышал, о чём писали. Жил в тайге некий томской старообрядец, по имени вроде как Егор, а фамилии то ли Лесовик, то ли Лесной, но это не столь и важно. Не один проживал, а с дочкой. Отшельниками прозябали, чем занимались, как жили, никому до них не было дела. А далее, как узнали о его тайном знании пород и намыве золота на речке, где он добывал его, так молва, словно птица, вылетела и понеслась.

– Где такая речка-то, неуж богатая, и почто в одиночку копошился? – не унимался Семён, а все глянули на него, мол, вот же пристал к барину с расспросами, а самим-то страсть как хотелось историю дослушать до конца.

Рачковский взялся за чай, отпил пару глотков и, удовлетворённый его вкусом, продолжал:

– Речка невеликая, Берикуль имеет название. Про неё в народе так и говорили: бери золота хоть куль, а она и была богатая. Конечно, кулями не намывали, где ж такое возможно, но содержание металла в её породах имелось высокое. Находились люди и по-иному название этой речке выдумывали. А в то время один из купцов со своим родственником решили оставить свою винную торговлю, а перекинуться на поиски и добычу золота. Вот тут-то слух до них и долетел об этом Егоре Лесном, вернее, о речке, что золотом покрыта. С оформленным разрешением на добычу драгоценностей они прямиком на эту речку и отправили своих доверенных людей. А те крутились, крутились, выводывали, расспрашивали, деньги тратили, да и вернулись ни с чем – ничего ни от кого не узнали, а старообрядец им не открылся, затаился с мыслями своими. Так купец сам поехал до него, да не застал живым – убил его кто-то.

– А как же купец узнал тогда, где речка золотая? – вопрос уже задал Окулов.

– Помогла ему воспитанница Лесного, вся в горе, в слезах по батюшке, открылась купцу, показала, где золото мылось. И началась работа, поплыло золото в руки, а потом и залихорадило всяких людей в тех местах. Каждый норовил копать и незаконно пески полоскать, всякое случалось там, до межусобиц и бойни дело доходило, алчность и глаза завидующие людьми руководили – о том люди судачили и газеты писали... – Рачковский замолчал и допивал чай.

Вдруг где-то в ночи как ухнуло, и эхом отозвалось в распадке между сопками.

– Что это? – насторожился Трубников, замерев в руках с кружкой недопитого чая.

– Где-то глыба от скалы отвалилась, вот и застонали сопки, – предположил Севастьян.

– А может, и не скала, то ж мощь крепкая, чего ей сыпаться, – засомневался Завьялов.

– Чему ещё так ухнуть. Хоть и веками стоят скалы, а дожди-то камни точат, зима щели расширяет, – стоял на своём Севастьян.

– Нет, мужики, не скалы это, – встрял в разговор Никита Роткин. – Скажу, то сила нечистая по долине пронеслась.

– С чего взяли, молодой человек, скажете тоже, – удивился Трубников. – Прав Севастьян – верно природное явление. Вы хотя бы раз в жизни видели эту самую нечистую силу или страху на всех навести вздумали-с?

– Я не встречал, другие рассказывали.

– Ну вот видите, со слов пересказываете, – укорил Кондрат Петрович.

– Кто знает, а вдруг Никита не врёт, раз от кого-то слышал, зря люди говорить не станут. К примеру, у меня с товарищем случай был, так не только в лешего, в чёрта поверишь, – подал голос Павел Сушков. – Шли по тайге, и в сумерках неведомо откуда явился в отдалении от нас огромный демон, видом словно туман густой, ростом выше сосен, рогатый, лохматый, пронёсся мимо нас как вихрь, аж деревья согнулись. Ну, думаем, пропали, и ниц пали, куда там супротив такой силы, ложись и помирай. Пронесло, поднялись, вроде тихо. Решили домой возвращаться от греха подальше. Идём, бредём и опять на то самое место вышли, направление сверили, идём, да что ж такое, опять кругляка дали. Хотите, верьте, хотите, нет, но раз пять вот так кругом ходили. А из-за лощины слышали несколько раз хохот дикий, отчего аж спина холодела и пот на лбу выступал, явно леший тешился, глядя, как мы под его дудку пляшем. Он же как, ежели захочет, то любого с пути может сбить. С тех пор я с собой всегда оберег ношу, – с этими словами Сушков из-за пазухи достал засушенный кусочек коры осины.

Мужики сидели, и кое-кто поверил, иные впали в сомнения и оглядываться начали. Рачковский же с Трубниковым улыбались.

– А вы с товарищем, случаем, не выпивши были? – уточнил Окулов.

– Трезвыми шли, вот вам крест, трезвыми.

– Прямо и не знаю, что и думать, что за чудо-юдо на вас налетело, – покачал головой Севастьян.

– А чего, Севастьян, сам молчишь, с твоим отцом и матерью тож невероятные дела леший наворотил, пропали, и всё тут, будто улетели куда, – произнёс Сушков и перекрестился. – Царствие им небесное, пусть не гnevаются, против ночи помянутые, добрые предки твои были. Не то что наш селянин, что также в одни дни с ними пропал – Никодим Заворотнюк. Вот и размышляйте, куда кого нечистая сила вывести может. На веру да на крест Господень животворящий надёжа одна.

Тут Сушков перешёл на шёпот:

– Наша дорога дальняя, и дела важные намечены, так коль узнает об этом леший, с пути сбить захочет или оборотня наслёт на нас, вот к тому и предупреждаю, ухом ко всему прислушиваться, знать, надо и глаз на стреме держать день и ночью.

– Ты, Павел, лучше хворосту в огонь подбрось, а сверху дров потолще, и довольно воду в ступе толочь, пора к отдыху всем, рано вставать потребно, – предложил Севастьян, поднялся с корточек, выплеснул из кружки на землю остатки чая и обратился к товарищам: – Первые полтора часа я коротать на страже буду, а далее уж давайте, мужики, очередь сами определяйте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.